

Has been issued since 1870.
ISSN 2313-402X
2014. Vol.(11). № 3. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Khlynina Tat'yana – Southern Scientific Centre of RAS, Rostov-on-Don, Russia
(Editor-in-Chief)
PhD Mamadaliyev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Natolochnaya Ol'ga – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

EDITORIAL BOARD

Dr. Bäckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland
Dr. Krinko Evgenii – Southern Scientific Centre of RAS, Rostov-on-Don, Russia
Dr. Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Google scholar** (USA), **Directory of Open Access Journals** (Sweden), **Index Copernicus** (Poland), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.09.14.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 11.

Издается с 1870 г. ISSN 2313-402X
2014. № 3 (11). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хлынина Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
(Гл. редактор)
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Натолочная Ольга – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бекман Йохан – Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic scientific library** (Россия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Google scholar** (США), **Directory of Open Access Journals** (Швеция), **Index Copernicus** (Польша), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 16.09.14.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 11.

© Русская Старина, 2014

CONTENTS

Articles and Statements

Soviet Troops at the Beginning of the 1942 Summer Campaign: National Formations in Battles in the Big Bend of the River Don Alexey Y. Bezugolnyy	108
Aleksey Fedorovich Rebrov: A Functionary, Entrepreneur, and Patron Uuriy U. Klychnikov	119
The Soviet Polity and the Church in 1940-1945 (Based on Materials from the “Krasnyi Sever” Newspaper) Oleg B. Molodov	130
The Social Policy of the Authorities in the Don Cossack Host during the Civil War Olga V. Rvacheva	141
The Subject of Fishing in the Traditional Legacy of the Nekrasov Cossacks Nina A. Vlaskina	150

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 11, No. 3, pp. 108-118, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 93/94

Soviet Troops at the Beginning of the 1942 Summer Campaign: National Formations in Battles in the Big Bend of the River Don

Alexey Y. Bezugolny

Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Russian Federation
PhD (History), Senior Researcher
119330 Moscow, University Avenue, 14
E-mail: besu111@yandex.ru

Abstract

This article is dedicated to the participation of three national formations – the 110th Kalmyk Cavalry Division, the 115th Kabardino-Balkar Cavalry Division, and the 255th Independent Chechen-Ingush Cavalry Regiment – in the most dramatic events of the 1942 summer campaign associated with the Soviet troops' defense in the big bend of the River Don. Compared with most military formations within the Red Workers' and Peasants' Army which fought around this line, the national units were fresh and fully equipped with men, horses, and machinery. The national military formations put up a fierce resistance against the enemy. However, due to the latter's overwhelming superiority in manpower, artillery, tanks, and aviation, they were overpowered by the enemy within days.

Keywords: cavalry; national military units; North Caucasus; big bend of the River Don; River Manych; 51st Army; Southern front; North Caucasus front.

Введение

Основной целью летней кампании 1942 г. вермахта было овладение Кавказом с его неисчерпаемой продовольственной базой, богатейшими источниками стратегического сырья, в первую очередь нефтью. Захват Кавказа также давал немецко-фашистским войскам возможность выхода на Ближний Восток и угрозы коммуникациям западных союзников, а также втягивания в войну потенциального союзника Германии – Турции.

Сталинское руководство не сумело правильно оценить силы и намерения противника и, на волне зимних побед 1941/1942 г. под Москвой, Ростовом, Тихвином, рассчитывало развить успех. В приказе НКО войскам № 55 от 23 февраля 1942 г. даже заявлялось, что «временный отход» Красной армии прекращен, а немцы оказались «перед катастрофой» [1].

Однако попытки осуществить крупные наступательные операции под Харьковом и в Крыму вскоре обернулись катастрофой. В мае 1942 г. в короткие сроки Крымский, Южный и Юго-Западный фронты были разгромлены. В Крыму потери советских войск составили 177 тыс. чел., а на харьковском направлении – свыше 270 тыс. чел. и огромное количество

техники и вооружений [2]. Уже 19 мая Крымский фронт был расформирован. Немецкие войска продолжали стремительное наступление в междуречье Северского Донца и Дона, стремясь выйти в низовья Дона и в район Сталинграда. Вскоре обозначилась явная угроза Северному Кавказу, который прикрывали части малочисленного Северо-Кавказского фронта, составленного из остатков войск Крымского фронта.

Германское командование, захватив весной 1942 г. стратегическую инициативу, подготовило летнее генеральное наступление на юг с целью разгромить противостоящие части Красной армии и овладеть Кавказом. Эта задача возлагалась на группу армий «Юг», которая в дальнейшем была разделена на две группы армий: «Б» (в том числе армейская группа «Вейхс» – 2-я, 4-я танковые немецкие и 2-я венгерская армии; 6-я немецкая армия; командующий – генерал-фельдмаршал Ф. Бок) и «А» (1-я танковая и 17-я немецкие армии; командующий – генерал-фельдмаршал В. Лист).

28 июня 1942 г. из района северо-восточнее Курска армейская группа «Вейхс» начала наступление на воронежском направлении и прорвала оборону войск Брянского фронта.

В ходе Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции (28 июня – 24 июля 1942 г.) части Красной армии на юге были вынуждены под ударом превосходящих сил противника отойти на 150 – 400 км. Врагу удалось развернуть наступление в большой излучине Дона, откуда он повел наступление в двух направлениях – на Кавказ (группа армий «А») и на Сталинград (группа армий «Б»). Кавказская группировка врага насчитывала 167 тыс. солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до 1 тыс. самолетов [3].

Материалы и методы

В основе статьи лежит анализ неопубликованных и опубликованных документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), а также воспоминания участников событий. Исследование опирается на принципы историзма, системный и историко-географический подходы.

Обсуждение

Войска Северо-Кавказского (командующий маршал С.М. Буденный) и Южного фронтов (командующий генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский), оборонявшие донские рубежи, были немногочисленны и истощены предыдущими боями. Маршал Буденный докладывал в Ставку, что в составе четырех армий Северо-Кавказского фронта (28 июля в него были влиты остатки Южного фронта) имелось лишь 24 тыс. активных пехотинцев, 94 самолета и ни одного танка. Боезапасы, продфураж, медикаменты также были на исходе; их доставка осуществлялась через Закавказье и была очень ограничена [4]. После ударов врага войска фронта были прижаты к черноморскому побережью, оголив всю центральную и восточную часть Предкавказья.

Сложилась критическая обстановка. Огромная людская волна, состоявшая из «большого количества одиночек и групп красноармейцев и начсостава», из состава разбитых частей Южного и Северо-Кавказского фронтов, двигалась по дорогам Северного Кавказа, «неизвестно куда и зачем», сея панику среди населения и создавая заторы на трассах и вокзалах. Таких лиц после проверки в специальных фильтрационных лагерях НКВД направляли на доукомплектование обычных частей; уличенных в «нарушении дисциплины, проявлении трусости, неустойчивости» – в штрафные роты и батальоны [5].

В этот переломный момент Великой Отечественной войны на передовой оказались сразу три свежих национальных части и соединений – 115-я Кабардино-Балкарская и 110-я Калмыцкая кавалерийские дивизии и 255-й Чечено-Ингушский кавалерийский полк.

Все они были сформированы решением Государственного Комитета Обороны № 894сс от 13 ноября 1941 г. «О национальных войсковых соединениях». Было объявлено о создании сразу 20 национальных кавалерийских дивизий (штатной численностью 4403 чел. каждая) и 15 отдельных стрелковых бригад (штатной численностью 4333 чел. каждая) из представителей народов Средней Азии, Северного Кавказа и Приуралья [6]. В постановлении были сформулированы общие требования к национальным соединениям, создаваемым в СКВО, САВО, УрВО, ЗакВО и на Крымском фронте: соединения укомплектовать здоровым и крепким личным составом местных национальностей в

возрасте не старше 40 лет; командно-начальствующим составом обеспечить по возможности также из местных национальностей, а недостающих пополнить русскими; обмундирование, людское и конское снаряжение, седла, продфуражное довольствие, конский состав, холодное и частично огнестрельное оружие обеспечить за счет ресурсов союзных и автономных республик; обязать военные советы провести формирование, обучение и сколачивание кавалерийских дивизий и отдельных стрелковых бригад, формируемых на территории этих округов; приемку соединений для доформирования и обеспечения недостающим вооружением и снаряжением проводить только после проверки специальными комиссиями округов [7].

Первоначально, согласно постановлению, формировалось две калмыцких дивизии – 110-я и 111-я, а также 114-я Чечено-Ингушская дивизия, а не полк. Однако в процессе формирования планы пришлось сократить. В случае с калмыцкими соединениями не удалось изыскать достаточно людских и конских ресурсов для укомплектования двух дивизий, поэтому 111-я дивизия директивой Ставки ВГК № 0043 от 3 марта 1942 г. была обращена на укомплектование 110-й дивизии [8]. Этой же директивой 114-я Чечено-Ингушская кавалерийская дивизия расформировывалась, и из ее состава был создан отдельный кавалерийский полк. В данном случае причиной послужила не некомплектность частей дивизии, а крайне низкая дисциплина личного состава и массовые случаи одиночного и группового дезертирства [9]. Поэтому на укомплектование полка был обращен только лучший личный состав расформированной дивизии [10], остальные же уволены в запас и распущены по домам [11].

Общая численность 115-й Кабардино-Балкарской дивизии (командир – полковник А.Ф. Скороход, комиссар – старший батальонный комиссар Иголкин, начальник штаба – подполковник М.С. Эхохин) на момент отправки на фронт составляла 4508 чел., в том числе 410 командиров, 716 младших командиров и 3382 рядовых. По национальности в дивизии преобладали кабардинцы – 2919 чел., за ними следовали русские – 680 чел., балкарцы – 568 чел., украинцы – 86 чел., осетины – 58 чел. и представители еще 13 национальностей [12]. В состав дивизии входили три кавалерийских полка (278, 297-й и 316-й), конно-артиллерийский дивизион, мотоэскадрон химзащиты, полуэскадрон связи и ряд других подразделений. Лошадей имелось 4726 против 4755 по штату, однако оставался некоторый некомплект верховых лошадей и значительный (свыше 40 %) некомплект артиллерийских при большом сверкомплекте обозных [13].

110-я Калмыцкая кавалерийская дивизии (командир – полковник В.П. Панин, позднее – полковник В.А. Хомутников, комиссар – полковой комиссар С.Ф. Заярный, начальник штаба – М.Т. Бимбаев) насчитывала 4597 чел., из которых 3186 калмыков (70 %), 1160 – русских (25,2 %), 214 – украинцев (4,6 %), 31 – белорусов, 106 – представителей других национальностей [14].

В состав дивизии входили 273, 292-й и 311-й кавалерийские полки, конно-артиллерийский дивизион, мотоэскадрон химзащиты, полуэскадрон связи и другие подразделения. Дивизия была хорошо укомплектована верховыми лошадьми – 3912 верховых, а также располагала 850 артиллерийскими и обозными лошадьми [15].

В 255-м отдельном Чечено-Ингушском кавалерийском полку (командир – капитан М.А. Висаитов, комиссар – политрук Имадаев, начальник штаба – капитан Алханов, позднее – капитан Емельянов) насчитывалось 1414 чел., в том числе: 1023 чеченца, 156 ингушей, 154 русских и 81 представитель других национальностей [16]. Что важно, почти весь личный состав – 1158 чел. – владел русским языком. Конским составом полк был укомплектован по штату, но в основном некачественным, низкорослым, ибо много в расформированной 114-й кавдивизии не имелось.

Во всех национальных формированиях был достигнут высокий уровень партийно-комсомольской прослойки личного состава, что, как считалось, могло компенсировать отсутствие боевого опыта. Так, в кабардино-балкарской дивизии членов и кандидатов в члены ВКП(б), а также членов ВЛКСМ было 20 % [17] (в среднем по РККА – от 12 % до 15 %), по чечено-ингушскому полку – 35 % [18], а по калмыцкой дивизии – почти 40 % [19].

Северо-Кавказский фронт к началу битвы за Кавказ (25 июля 1942 г.), представлявший собой, по существу, остатки разбитого в конце мая 1942 г. Крымского фронта, в который вливались другие отступавшие части, располагал очень незначительным количеством

свежих частей и соединений. Горские кавалерийские формирования оказались в их числе и на них возлагались большие надежды, тем более что они относились к высокоманевренному роду войск, столь необходимому для ликвидации стремительных прорывов врага. Общий состав трех национальных формирований насчитывал свыше 10,5 тыс. чел. К сожалению, кавалерийские части почти не использовались в дальнейшем как подвижный резерв командования. За нехваткой стрелковых частей, им приходилось занимать обширные рубежи обороны. Но и они могли обороняться не сплошь, а лишь системой опорных пунктов.

В мае 1942 г. 110-я и 115-я кавалерийские дивизии были включены в состав Северо-Кавказского фронта и, согласно приказа Ставки ВГК, должны были использоваться как фронтовой резерв, поскольку фронт имел крайне ограниченное количество подвижных соединений. 115-я кавдивизия отправилась из Нальчика железнодорожным транспортом, а 110-я кавдивизия – «в учебных целях» – походным порядком, из района ст. Абганерово в район сосредоточения Зимовники, Куберле, пройдя маршем 325 км [20].

255-й кавполк 6 апреля 1942 г. прибыл в Краснодар, где был включен в состав сформировавшегося на Кубани 17-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. 2 мая полк принял присягу, а 5 мая получил оружие. 17 июня полк был принят в состав действующей армии. Все это время шла напряженная боевая учеба. Полк дважды посещал командующий войсками Северо-Кавказского фронта Маршал Советского Союза С.М. Буденный [21].

Согласно первоначальному плану организации обороны ростовско-кавказского направления Северо-Кавказского фронта от 2 июня 1942 г., 115-я кавалерийская дивизия, наряду со 110-й калмыцкой кавалерийской дивизией, входили в состав Отдельного кавалерийского корпуса (сформирован 25 мая 1942 г.).

На 115-ю дивизию возлагалась задача «занять и оборонять р. Дон на участке Манычская, Ольгинская, не допустить противника форсировать р. Дон» [22]. В полосу обороны дивизии вошло не менее десяти крупных населенных пунктов, которые должны были защищаться опорными пунктами [23].

В первых числах июня командир Отдельного кавкорпуса генерал-майор Б.А. Погребов ознакомился с состоянием частей 115-й дивизии, найдя его в целом удовлетворительным. Дивизия прибыла на фронт фактически неукомплектованной стрелковым вооружением и артиллерией, однако в течение двух недель к концу июня получила необходимое количество винтовок, автоматов и пулеметов. В то же время оставался большой комплект артиллерии, стрелковых и артиллерийских боеприпасов; дивизия почти не имела автомобильного транспорта, инженерного имущества и средств связи [24]. В подразделениях велись интенсивные занятия, а проверки боевой готовности показали в целом удовлетворительный уровень тактической, конно-строевой и пехе-строевой подготовки. Оценки по огневой подготовке были отличными и хорошими [25].

7 июня директивой Ставки 115-я дивизия была передана в состав 51-й армии Северо-Кавказского фронта, на которую возлагалась оборона протяженного участка южного берега р. Дон от Верхнекурмоярской до Азова. В свою очередь, 110-я дивизия также заняла обширный участок обороны между станицами Семикаракорская и Багаевская протяженностью до 58 км и глубиной до 40 км. [26].

В середине июня часть сил 115-й кавалерийской дивизии и 255-го кавалерийского полка были задействованы в прочесывании лесного массива южнее хут. Веселый Веселовского района Ростовской области, где, по оперативным данным НКВД, скрывались дезертиры и возможные агенты противника. Имелись сведения о частых пролетах над лесом немецких самолетов и подачи им сигналов с земли ракетами. Операцию по ликвидации находившихся в лесу дезертиров и агентов врага было приказано использовать в интересах тактической подготовки частей и тренировки борьбы с десантами противника, выброска которых считалась весьма вероятной [27].

10 июля 1942 г. Ставка приказала занять участок Верхнекурмоярская, Семикаракорская силами 115-й кавдивизии, а также 91-й и 156-й стрелковых дивизий 51-й армии [28]. Положение на фронте к этому моменту становилось крайне тревожным. 13 июля начальник Генштаба А.М. Василевский информировал командующего войсками Северо-Кавказского фронта: «Войска Южного фронта – 57, 28, 38-я армии в беспорядке отходят на

юго-восток, частью сил вышли на северный берег р. Дон в район Вешенской и отдельными частями ведут бой в районе ст. Шептуховка» [29].

В середине июля 1942 г. 115-я кавдивизия и 255-й кавполк, в составе 51-й армии [30] после длительного марша прибыли на южный берег Дона, имея задачу упорно его оборонять, не допустив вторжения противника в Сальские степи и на территорию Северного Кавказа. Главным силам надлежало быть готовыми действовать в направлении Сталинград, Сальские степи и, если благоприятно сложится обстановка, во взаимодействии с 14-м танковым корпусом, нанести врагу контрудар. В ударную группу входил Отдельный кавалерийский корпус в составе 115-й кавалерийской дивизии, 255-й отдельного кавалерийского полка, 40-й танковой бригады и 19-го гвардейского минометного полка. В случае наступления противника на Сталинград севернее Дона ударная группа выдвигалась в районы Мал. Мартыновка, Бол. Орловка и Батлаевская для прикрытия этого участка фронта.

В конце июля передовые группы противника стали с ходу форсировать р. Дон сразу в нескольких местах. Редкие оборонительные порядки 51-й армии легко преодолевались врагом. В инженерном отношении советская оборона также была не развита. Еще 24 июля Генеральный штаб в резкой форме требовал ускорить сооружение оборонительных полос, поскольку, по его данным, «51-я армия не производит строительных работ по южному берегу р. Дон, не развивает оборону в глубину» [31].

25 июля Ставка ВГК приказала командующему Южного фронта немедленно очистить южный берег Дона от противника и занять прочную оборону занять его от Верхнекурмоярской до Азова войсками фронта [32]. 51-я армия, в составе которой были 115-я кавдивизия и 255-й кавполк, была передана Южному фронту.

Первоначально частям 115-й кавдивизии – основной силе Отдельного кавкорпуса – удавалось отражать передовые группы противника. В оперативной сводке 51-й армии сообщалось: «Захватив переправу через р. Сал, противник просочился через боевые порядки 316 кавалерийского полка 115 кавалерийской дивизии, занявшей к этому времени оборону на рубеже Мал. Мартыновка, Рубашкин, Бол. Мартыновка, Арбузов, Батлаевская, Новоселовка (общим протяжением 50 км), занял Батлаевскую и вышел к Крепянке, Московскому... Выброшенные на автомашинах спешенные два эскадрона 297 кавалерийского полка 115 кав. дивизии, стремительной атакой с утра 27.07.42 выбили противника с северной окраины Батлаевской и удержали этот населенный пункт, несмотря на контратаку двух рот мотопехоты и 20 танков, поддержанных сильным артиллерийским огнем» [33].

В последующие дни дивизия вела ожесточенные бои с превосходящим противником. Особенно кровопролитный бой состоялся 29 июля в районе Бол. Мартыновка.

5 августа дивизия в составе 51-й армии вошла в состав вновь образованного Юго-Восточного фронта, ближайшая задача которого было «во что бы то ни стало приостановить дальнейшее выдвижение противника к южному фасу Сталинградского внешнего обвода с юга, ни в коем случае не допустить прорыва этого обвода, равно как не допустить выхода противника к Волге южнее Сталинграда» [34]. 12 августа, уже на новом рубеже обороны в районе с. Ремонтное 115-я кавалерийская дивизия вновь вступила в неравный бой с танками противника и понесла тяжелые потери. В дальнейшем остатки дивизии отступали отдельными группами по калмыцким степям и влились в состав 4-го кавалерийского корпуса. Здесь дивизия в сентябре 1942 г. была расформирована.

Боевой путь 255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка во многом был похож на историю кабардино-балкарской дивизии, тем более, что и сражаться им выпало в бескрайних Сальских степях, можно сказать, плечом к плечу.

18 июля полк был передан в оперативное подчинение 138-й стрелковой дивизии 51-й армии, задачей которой являлось оборонять предместный район у ст. Цимлянская и всю полосу левобережья Дона до стыка с войсками 64-й армии. Ночными маршами за шесть суток полк преодолел свыше 300 км до линии фронта. Ему был определен участок обороны по южному берегу Дона огромной протяженностью в 35 км – от Верхнекурмоярской до Кривского. Такой участок обороны обычно занимали несколько стрелковых дивизий.

Противник рвался в направлении Котельниково с тем, чтобы овладеть железнодорожной магистралью Тихорецкая – Сталинград. 4 августа в бою под Чилековым

полк подвергся атакам с воздуха, а затем был рассеян танками противника и потерял, как сказано в журнале боевых действий полка, «убитыми, ранеными, а главным образом разбежавшимися свыше 50 % людей и до 70 % лошадей», а также значительную часть вооружений и имущества [35].

В дальнейшем 255-й кавалерийский полк отступал в общей группе южного крыла 64-й армии, которой руководил заместитель командарма генерал-лейтенант В.И. Чуйков. К середине августа 1942 г. в полку оставалось 599 чел. и 384 лошадей [36]. 27 августа – 4 сентября полк принимал участия в боях против румынских войск за калмыцкое селение Тундутово. 16 октября 1942 г. приказом НКО полк был расформирован. Из остатков 115-й кавдивизии и 255-го кавполка были сформированы два кавалерийских разведывательных дивизиона и истребительно-противотанковый дивизион [37].

Что касается 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, как отмечалось выше, она прикрывала отход за Дон советских частей на протяженном рубеже Семикаракорская, Багаевская. Командование дивизии приняло решение оборудовать опорные пункты и узлы сопротивления в местах наиболее вероятного наступления противника, в первую очередь, в районах переправ Раздорская, Мелиховская, Калинин, Багаевская [38]. Эта вынужденная мера предопределила растянутость обороны, усложнила связь и управление между подразделениями, подвоз боеприпасов на позиции. Кроме того, обороняемый дивизией левый берег Дона был низким, пойменным и просматривался немцами на много километров вглубь, а правый берег был высоким и просматривался лишь на несколько сот метров. По воспоминаниям бывшего комиссара 292-го кавалерийского полка П.А. Круглякова: «Мы понимали, что такой рубеж обороны был бы по силам армии, оснащенной современной боевой техникой, но, видимо, не было такой возможности у командования фронта. Взвешивая все это, мы добавляли еще и то обстоятельство, что части дивизии вступают в бой впервые... Иначе говоря, мы сознавали свою обреченность...» [39]. По свидетельству того же Круглякова, вид непрерывно переправлявшихся через Дон отступавших потрепанных войск и беженцев, «удручающе действовало на настроение» бойцов [40]. В тоже время, за счет отступавших частей дивизию удалось существенно довооружить. Только одному из полков удалось «разжиться» около десятка орудий различного калибра, ружьями ПТР, пулеметами. За счет этого удалось насытить передний край обороны огневыми средствами. К обороняющимся добровольно присоединилось несколько десятков отступавших солдат и командиров.

15 июля позиции дивизии впервые подверглись бомбежке с воздуха. воздушной волны. 19 июля 1942 г. подразделения дивизии вошли в непосредственное боевое соприкосновение с передовыми отрядами немецких 3-го танкового и 52-го армейского корпусов. У переправы в ст. Раздорской на правом берегу реки противника встретили подразделения 273-го кавалерийского полка. Совместно с другими частями 51-й армии они до 21 июля отражали атаки противника на ст. Раздорскую и Мелиховскую, а затем отступили, взорвав за собой наплавной мост у Мелиховской [41]. 21 июля при обороне Раздорской переправы на правом берегу Дона около хутора Пухлякова совершил героический подвиг сержант 3-го эскадрона 273-го кавполка Э.Т. Деликов. Из противотанкового ружья он уничтожил три немецких броневика и три автомашины с солдатами. Четвертую автомашину он поджег, будучи смертельно раненным. В марте 1943 г. ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

К 23 июля к правому берегу Дона подошли основные силы противника, и дивизия вошла в соприкосновение с ним на всем протяжении своей обороны. Развернулись бои шли за Багаевскую и Мелиховскую переправы. Багаевскую переправу защищали части 292-го кавполка (командир – С.И. Ориночко). В полдень 23 июля, пропустив последнюю группу красноармейцев в 700 чел. – остатки стрелковой дивизии, – Багаевский наплавной мост был взорван [42].

Не достигнув цели у Багаевской переправы, немцы сосредоточили крупные силы на участке обороны 273-го кавполка в районе станиц Семикаракорской, Раздорской и Мелиховской. Весь день 24 июля дивизия отбивала попытки врага переправиться на понтонах и лодках в районе станицы Раздорской и Мелиховской. 25 июля силами полка и двух эскадронов 292-го и 311-го кавполков они были уничтожены переправившиеся на левый берег передовые подразделения врага. Однако к исходу дня 24 июля стало известно,

что противник все же форсировал Дон и создал плацдармы на левом берегу в районах ст. Цимлянской, Николаевской и Константиновской и что на стыке 110-й кавдивизии и 156-й стрелковой дивизии сосредоточились крупные бронетанковые и механизированные силы для переправы. В течение 25 июля 292-й, 273-й кавполки и остатки 295-й стрелковой дивизии отражали атаки у Раздорской переправы, так и не допустив противника на левый берег. Однако вскоре выяснилось, что немцы уже захватили переправы у ст. Семикаракорской и Константиновской, вследствие чего 110-я дивизия оказалась перед угрозой окружения. Командир дивизии полковник В.П. Панин перебросил часть сил на организацию обороны вдоль реки Сусат – левого притока Дона. Оборону заняли остатки 292-го и 311-го полков, одновременно продолжая удерживать левый берег Дона. Впервые кавалеристам предстояло вступить в непосредственный бой с танками (ранее они поддерживали свою пехоту огнем из-за реки) [43]. Однако, в конце концов, перед угрозой нового наступления 26 июля в штабе Отдельного кавкорпуса было принято решение об отводе дивизии за р. Маныч.

К утру 27 июля вышедшие из боев на Нижнем Дону подразделения 110-й кавдивизии сосредоточились на южном берегу реки Маныч в районе населенных пунктов Красный, Тузлуков, Свободы, Веселый. За время боев с 15 по 27 июля дивизия уничтожила 4 батальона мотопехоты, 30 танков, 55 бронемашин, 45 минометов, 20 орудий и 38 пулеметов противника, сбила 5 самолетов. Сама дивизия потеряла 600 чел. убитыми, 700 чел. ранеными и около 200 чел. пропавшими без вести. Перешедший на сторону немцев бывший военнослужащий дивизии Д.Ц. Арбаков потери оценивал в 1000 чел. убитыми и 300 чел. попавшими в плен [44].

Вывавшись из окружения, дивизия снова заняла оборону по Манычу в районе населенных пунктов Веселый, Слободской, Красный, Тузлуков. Другая, меньшая часть дивизии небольшими группами отошла к Астрахани. В районе Моздока дивизия вошла в подчинение Северной группы войск Закавказского фронта и отправлена на реформирование.

Интересны оценки боевых качеств горских кавалерийских формирований, данные их начальниками штабов – капитаном Емельяновым (255-го кавполк) и подполковником Эхохиным (115-я кавдивизия), чьи дневниковые записи по счастливой случайности сохранились в архиве Минобороны РФ. Оба оператора подчеркивали, что их части использовались не по назначению – в позиционной обороне и для борьбы с танками. То же самое можно сказать и о 110-й кавдивизии. Как кавалерийские части они не применялись, к тому же не использовались в бою в полном составе, будучи распределенными между далеко отстоявшими друг от друга опорными пунктами. Так, в последние недели своего существования эскадроны 255-го кавалерийского полка, часто сводные, были распределены сразу между тремя соединениями. В хаосе отступления национальные части не получали четкой задачи, часто переподчинялись другим соединениям.

Оба упомянутых офицера высказывались в том смысле, что при более благоприятных условиях и грамотном использовании конницы северокавказские соединения могли бы проявить себя лучше: «Хорошо с чеченцами быть в наступлении. Здесь они дерутся храбро» (Емельянов) [45]. Капитан Емельянов оставил на этот счет парадоксальный комментарий: «Отдельные люди в полку были прекрасными, а в общей массе – все *свободолюбивые*» (выделено в подлиннике – *Авт.*) [46]. Отметим также, что ментально не все горцы воспринимали Советский Союз, Россию как свою родину. Еще в период формирования 114-й Чечено-Ингушской дивизии, среди личного состава встречалось такое мнение, что «они будут защищать только свою республику» [47].

Эти ментальные особенности выразились также и в том, что часть кавалеристов-националов после окончания активной фазы боев, пользуясь относительной близостью родных мест, беспрепятственно вернулась домой. Подполковник Эхохин встречал целые группы вооруженных кабардинцев и балкарцев, невозмутимо следовавших прочь от линии фронта и считавших свой воинский долг выполненным [48]. Возвращались домой, по данным НКВД СССР, и калмыки, иногда возглавляемые своими командирами [49].

Уже по «горячим следам» возникал соблазн объяснить неудачные бои в большой излучине Дона этими причинами. Например, уже в августе 1942 г. в штабе Северо-Кавказского фронта в начале августа 1942 г. командиру 292-го кавполка 110-й кавдивизии

С.И. Ориночко было объявлено буквально следующее: «Вы трусы, паникеры и предатели, вы, как трусы, бросили ваши рубежи обороны и разбежались, кто куда попало. Вся ваша дивизия без приказа бросила свой участок обороны на Дону и разбежалась» [50].

В дальнейшем, когда народы, из которых были укомплектованы эти национальные формирования, подверглись репрессиям (кроме кабардинцев), факты быстрого разгрома национальных частей, а также ухода части военнослужащих по домам, использовались органами НКВД как одно из главных доказательств «предательского» поведения этих народов [51]. Покинувшие без приказа поле боя и расположение своих частей, безусловно, бросили тень на свои формирования в целом, которые в труднейших условиях выполнили поставленную им боевую задачу на Нижнем Дону. Так, по сведениям НКВД КБАССР, число дезертиров 115-й кавдивизии, вернувшихся в республику, достигало 700 чел. Подчеркивалось, что многие из них «с оружием ушли в горы, составив ядро бандитских групп» [52]. В Калмыкии, также по данным НКВД, вернувшиеся дезертиры «сеяли панику», а позднее также ушли в вооруженные банды [53]. Такие же настроения нередко отмечались среди чеченцев и ингушей.

Выводы

В целом национальные кавалерийские формирования внесли свой посильный вклад в дело борьбы с врагом. Но они оказались на острие мощного бронированного удара немецко-фашистских сил и объективно не могли сдержать его. В виду подавляющего превосходства врага на земле и в воздухе национальные формирования буквально растаяли в считанные дни.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Примечания:

1. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2–2) Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997. Док. № 135. С. 156–158.
2. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 225.
3. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история. М., 1985. С. 166.
4. Центральный архив министерства обороны (ЦАМО). Ф. 224. Оп. 760 Д. 36. Л. 1–11.
5. Там же. Ф. 273. Оп. 879. Д. 1. Л. 18–19.
6. Там же. Л. 19, 37–38.
7. Там же.
8. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК Документы и материалы. 1942. Т. 16 (5–2). М., 1996. С. 116–117.
9. ЦАМО. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.
10. Там же. Ф. 225 кп. Оп. 915461. Д. 3. Л. 10б.
11. Там же. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5. Л. 265.
12. Там же. Ф. 224. Оп. 760. Д. 10. Л. 359.
13. Там же. Ф. 224. Оп. 763. Д. 52. Л. 226.
14. Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны. Книга-хроника. М., 2005. С. 12.
15. Белоусов С.С. История формирования и боевые действия 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии на Нижнем Дону в воспоминаниях военнослужащих // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 24.
16. ЦАМО. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5. Л. 265.
17. Там же.
18. Там же. Ф. 224. Оп. 760. Д. 10. Л. 33.
19. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2010. С. 90.

20. Русский архив. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. 1942. Т. 12 (2). С. 123, 125.
21. ЦАМО. Ф. 255 кп. Оп. 915461. Д. 3. Л. 10б.
22. Там же. Ф. 224. Оп. 760. Д. 25. Л. 84.
23. Там же. Д. 10. Д. 14.
24. ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 25. Л. 105; Оп. 763. Д. 52. Л. 228.
25. Там же. Ф. 224. Оп. 763. Д. 52. Л. 230.
26. Белоусов С.С. Указ. соч. С. 26.
27. ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 10. Л. 21, 26.
28. Русский архив. Т. 16 (5–2). С. 299.
29. Там же. Т. 12 (2). С. 239.
30. Там же. Т. 16 (5 – 2). С. 327.
31. Там же. Т. 12 (2). С. 257.
32. Там же. Т. 16 (5–2). С. 327.
33. ЦАМО. Ф. 224. Оп. 763. Д. 52. Л. 230. Л. 3–5.
34. Русский архив. Т. 16 (5–2). С. 343.
35. Там же. Ф. 224. Оп. 763. Д. 52. Л. 230. Л. 3–5.
36. Там же. Л. 5.
37. Там же. Л. 7.
38. В годы суровых испытаний. Элиста, 2003. С. 83.
39. Цит. по: Белоусов С.С. Указ. соч. С. 26.
40. Там же.
41. Там же. С. 28.
42. В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 1969. С. 69.
43. Там же. С. 90.
44. Там же. С. 31.
45. ЦАМО. Ф. 224. Оп. 763. Д. 10. Л. 1.
46. Там же. Ф. 255 кп. Оп. 915461. Д. 3. Л. 90б.
47. ЦАМО. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
48. Там же. Д. 1. Л. 12.
49. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) // Сборник документов. М., 2008. С. 525.
50. Цит. по: Белоусов С.С. Указ. соч. С. 31.
51. Dolgoplov T.E. Remarks by Special Operations Soldier // Военный сборник. 2014. № 2 (4). С. 81.
52. «По решению правительства Союза ССР...». (Депортация народов: документы и материалы). Нальчик, 2003. С. 490.
53. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 525.

References:

1. Russkii arkhiv. Velikaya Otechestvennaya. Т. 13 (2–2) Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR. 22 iyunya 1941 g. – 1942 g. М., 1997. Dok. № 135. S. 156–158.
2. Grif sekretnosti snyat: Poteri Vooruzhennykh Sil SSSR v voynakh, boevykh deistviyakh i voennykh konfliktakh. М., 1993. S. 225.
3. Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuzа 1941-1945. Kratkaya istoriya. М., 1985. S. 166.
4. Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony (TsAMO). F. 224. Op. 760 D. 36. L. 1–11.
5. Tam zhe. F. 273. Op. 879. D. 1. L. 18–19.
6. Tam zhe. L. 19, 37–38.
7. Tam zhe.
8. Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya: Stavka VGK Dokumenty i materialy. 1942. Т. 16 (5–2). М., 1996. S. 116–117.
9. TsAMO. F. 3623. Op. 1. D. 5. L. 24.
10. Tam zhe. F. 225 кп. Оп. 915461. Д. 3. Л. 10б.

11. Tam zhe. F. 3623. Op. 1. D. 5. L. 265.
12. Tam zhe. F. 224. Op. 760. D. 10. L. 359.
13. Tam zhe. F. 224. Op. 763. D. 52. L. 226.
14. Oni srazhalis' za Rodinu. Predstaviteli repressirovannykh narodov na frontakh Velikoi Otechestvennoi voiny. Kniga-khronika. M., 2005. S. 12.
15. Belousov S.S. Istoriya formirovaniya i boevye deistviya 110-i otdel'noi Kalmytskoi kavaleriiskoi divizii na Nizhnem Donu v vospominaniyakh voennosluzhashchikh // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. 2010. № 1. S. 24.
16. TsAMO. F. 3623. Op. 1. D. 5. L. 265.
17. Tam zhe.
18. Tam zhe. F. 224. Op. 760. D. 10. L. 33.
19. Maksimov K.N. Velikaya Otechestvennaya voina: Kalmykiya i kalmyki. M., 2010. S. 90.
20. Russkii arkhiv. General'nyi shtab v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1942. T. 12 (2). S. 123, 125.
21. TsAMO. F. 255 kp. Op. 915461. D. 3. L. 10b.
22. Tam zhe. F. 224. Op. 760. D. 25. L. 84.
23. Tam zhe. D. 10. D. 14.
24. TsAMO. F. 224. Op. 760. D. 25. L. 105; Op. 763. D. 52. L. 228.
25. Tam zhe. F. 224. Op. 763. D. 52. L. 230.
26. Belousov S.S. Ukaz. soch. S. 26.
27. TsAMO. F. 224. Op. 760. D. 10. L. 21, 26.
28. Russkii arkhiv. T. 16 (5-2). S. 299.
29. Tam zhe. T. 12 (2). S. 239.
30. Tam zhe. T. 16 (5 - 2). S. 327.
31. Tam zhe. T. 12 (2). S. 257.
32. Tam zhe. T. 16 (5-2). S. 327.
33. TsAMO. F. 224. Op. 763. D. 52. L. 230. L. 3-5.
34. Russkii arkhiv. T. 16 (5-2). S. 343.
35. Tam zhe. F. 224. Op. 763. D. 52. L. 230. L. 3-5.
36. Tam zhe. L. 5.
37. Tam zhe. L. 7.
38. V gody surovyykh ispytaniy. Elista, 2003. S. 83.
39. Tsit. po: Belousov S.S. Ukaz. soch. S. 26.
40. Tam zhe.
41. Tam zhe. S. 28.
42. V boyakh za Don: vospominaniya voynov 110-i Otdel'noi Kalmytskoi kavaleriiskoi divizii. Elista, 1969. S. 69.
43. Tam zhe. S. 90.
44. Tam zhe. S. 31.
45. TsAMO. F. 224. Op. 763. D. 10. L. 1.
46. Tam zhe. F. 255 kp. Op. 915461. D. 3. L. 90b.
47. TsAMO. F. 3623. Op. 1. D. 5. L. 1.
48. Tam zhe. D. 1. L. 12.
49. NKVD-MVD SSSR v bor'be s banditizmom i vooruzhennym natsionalisticheskim podpol'em na Zapadnoi Ukraine, v Zapadnoi Belorussii i Pribaltike (1939-1956) // Sbornik dokumentov. M., 2008. S. 525.
50. Tsit. po: Belousov S.S. Ukaz. soch. S. 31.
51. Dolgopolov T.E. Remarks by Special Operations Soldier // Voennyi sbornik. 2014. № 2 (4). S. 81.
52. «Po resheniyu pravitel'stva Soyuza SSR...». (Deportatsiya narodov: dokumenty i materialy). Nal'chik, 2003. S. 490.
53. NKVD-MVD SSSR v bor'be s banditizmom... S. 525.

УДК 93/94

**Советские войска в начале летней кампании 1942 г.:
национальные формирования в боях в большой излучине Дона**

Алексей Юрьевич Безугольный

Научно-исследовательский институт военной истории ВАГШ ВС РФ, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
119330 Москва, Университетский проспект, 14
E-mail: besu111@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена участию трех национальных формирований – 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии и 255-го отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка – в наиболее драматических событиях летней кампании 1942 г., связанных с обороной советских войск в большой излучине Дона. В отличие от большинства воинских формирований РККА, сражавшихся на этом рубеже, национальные части были свежими и полностью укомплектованными людьми, лошадьми и техникой. Национальные воинские формирования оказали ожесточенное сопротивление врагу, однако вследствие подавляющего превосходства последнего в живой силе, артиллерии, танках и авиации, в считанные дни они были сметены врагом.

Ключевые слова: Кавалерия; национальные воинские части; Северный Кавказ; большая излучина реки Дон; река Маньч; 51-я армия; Южный фронт; Северо-Кавказский фронт.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 11, No. 3, pp. 119-129, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94(479) «18/1917»

Aleksey Fedorovich Rebrov: A Functionary, Entrepreneur, and Patron

Uuriy U. Klychnikov

Pyatigorsk State Linguistic University, Russian Federation
Doctor of History

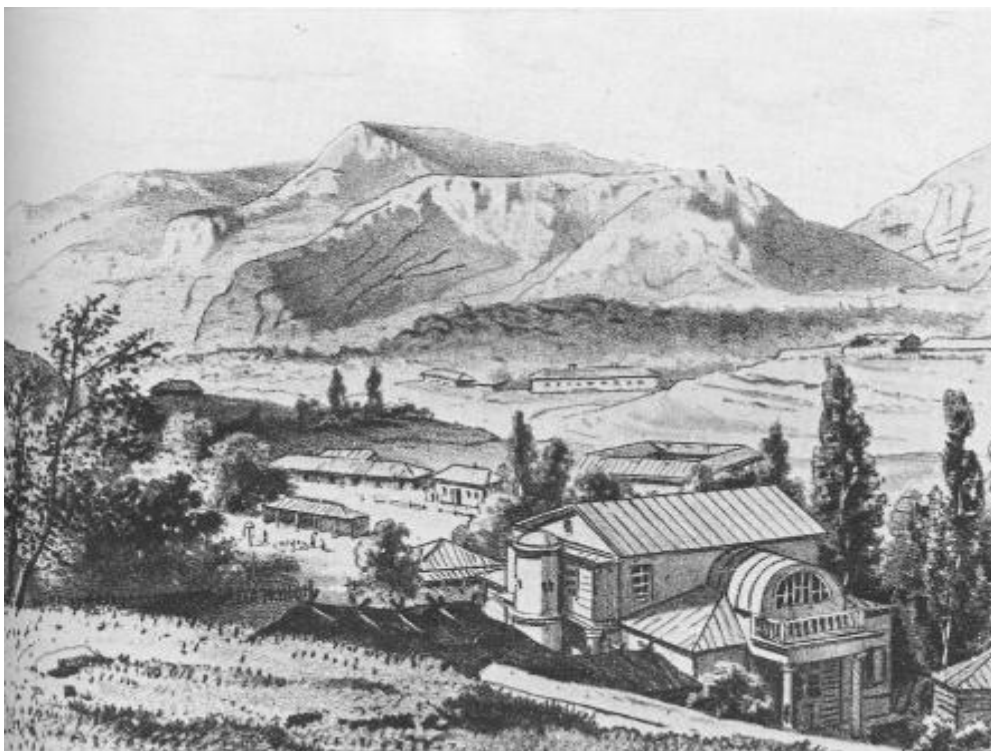
Abstract

This article reconstructs the biography of A.F. Rebrov, the outstanding Russian functionary and innovator landlord. His fate was associated with the Russian mastery of the North Caucasus, in which he took a most active part. Works by A.F. Rebrov were held in high regard by the Caucasian leadership, and his contemporaries noted his contribution to the development of sericulture, wine-making, and horticulture. He was known as a patron and enlightener.

Keywords: functionary; office; sericulture; viticulture; nobility; sheep husbandry; resorts; estate.

Введение

Алексей Федорович Ребров был выходцем из небогатой семьи чиновника. Родился он в Москве 21 февраля (5 марта) 1776 г., но, так как отец был не в состоянии содержать семейство на свои скромные средства, Ребровы переехали в Астрахань, где юный Алеша, выучившийся у дьячка грамоте, в 10-летнем возрасте устроился на работу в Астраханский верховный суд. Старательный и исполнительный мальчик постепенно превратился в компетентного канцелярского работника. Его трудолюбие и тягу к знаниям заметил астраханский губернатор. В 1795 г. Алексея Реброва командировали в канцелярию кавказского генерал-губернатора графа Гудовича. Оценив нового подчиненного, тот поручил ему свою личную переписку, а в ноябре того же года А.Ф. Ребров производится в коллежские регистраторы. Вскоре последовало новое ответственное поручение – его назначают секретарем собственной канцелярии генерал-губернатора [1].

А. И. Арнольди «Дом Реброва в г. Кисловодске – место действия романа «Княжна Мери»
Литография В. Ф. Тимма (1862) по рисунку А. И. Арнольди (1841)

Сменялись начальники Кавказского края и командующие Кавказской линией, но каждый раз новый руководитель по достоинству оценивал профессиональные качества А.Ф. Реброва, которому доверялись самые разные ответственные поручения [2]. Вместе с генерал-лейтенантом Кноррингом он побывал в Закавказье и там был удостоен внимания брата грузинского царя, который подарил ему дорогой перстень. Заслуженной наградой стало произведение А.Ф. Реброва в должность губернского секретаря в 1800 г., а вскоре и в титулярные советники.

Материалы и методы

Материалами для написания статьи послужили источники официального и личного происхождения, а методом стала биографическая реконструкция.

Обсуждение

Между тем, Кавказ стоял на пороге знаменательнейших событий. При дворе Павла I, а затем и его сына Александра I шло обсуждение непростого для России вопроса – принимать или нет в свой состав Грузию. Многие здесь зависело от той объективной и подробной информации, которую давала местная российская администрация. Выбор был сделан в пользу включения Картли-Кахетинского царства в состав империи. Примечательно, что Карл Федорович Кнорринг должен был выступать перед Государственным Советом, созванным по этому поводу на экстренное совещание. Однако плохо владея русским языком, он просил дозволения изложить необходимые доводы своему секретарю. А.Ф. Ребров оказался настолько убедителен, что, несмотря на отрицательное отношение к задуманному со стороны большинства членов Совета, он убедил императора присоединить Грузию к России [3].

Ф. Торопов. Портрет А.Ф.Реброва, (1853). Государственный исторический музей

Среди награжденных по этому случаю российских чиновников упоминается и Ребров. За проделанную работу Алексею Федоровичу был пожалован 19 сентября 1801 г. чин коллежского асессора, он получил 200 душ крестьян. В дальнейшем он обрел дворянство и был вписан в Дворянскую родословную книгу Кавказской губернии [4]. В части третьей под номером тринадцать было записано: «Ребров, надворный советник, губернский предводитель дворянства Алексей Федорович, 31 декабря 1814 г. по полученному 19 сентября 1801 г. чину коллежского асессора (143 муж., 140 жен.)» [5]. За эту грамоту А.Ф. Ребров заплатил внушительную по местным меркам сумму в 100 рублей серебром.

Немаловажно еще и то, что во время поездки в Грузию, он имел возможность сблизиться с одним из братьев государя, который в знак своего расположения подарил ему перстень со своей руки [6].

Специфика службы на Кавказе была такова, что даже люди, не являющиеся военными, вынуждены были иногда принимать участие в боевых операциях, разделяя опасности со своими армейскими соратниками. Карьера А.Ф. Реброва исключением не являлась. Вместе с Кноррингом он побывал в Кабарде, где вспыхнул мятеж против российской власти. Но, видимо, этому энергичному и самостоятельному человеку хотелось заняться собственным делом. Вскоре А.Ф. Ребров уходит в отставку, впрочем, продолжая выполнять эпизодические задания кавказской администрации, например, готовит отчет о суммах главнокомандующего по личному распоряжению генерал-фельдмаршала графа Гудовича.

Отставка длилась недолго, и по распоряжению императора опытного чиновника назначают советником Кавказского губернского правления, присвоив ему чин надворного советника. Пробыв на этом посту три года, он вновь подал в отставку, но кипучая натура не давала А.Ф. Реброву ограничиваться только ведением собственного хозяйства. В 1812 г. его избирают предводителем дворянства Кавказской губернии и через четыре года награждают орденом Святого Владимира 4-й степени. Будучи на этом ответственном посту, он, в соответствии с императорским указом, мобилизовал местное дворянство на организацию ополчения для борьбы с наполеоновской агрессией. Решено было «с помещичьих крестьян и дворовых людей здешней губернии поставить с десяти душ одного конного ратника, с

потребным вооружением и продовольствием» [7]. В дальнейшем правительство решило приостановить созыв ратников, но повелело собрать средства на военные нужды и отправить в армию дополнительных рекрутов. И тогда «собрание дворянства постановлением 16-го октября определило пригласить гг. дворян к пожертвованию Отечеству... тою суммою, какая предполагалась на составление ополчения...» [8]. Все собранные средства А.Ф. Ребров тщательно фиксировал, а заодно ходатайствовал перед Кавказским губернатором о тех жертвователях, которые особенно отличились на этом поприще.

Когда союзные войска заняли Париж, Алексей Федорович организовал 10 мая 1814 г. торжественный обед, на котором были собраны пожертвования для нужд раненых русских воинов. Как гласил отчет, «по совершении в сей день соборного служения Божественной Литургии, было после оной приносимо Господу сих благоденственное с коленопреклонением молебствие, и при возглашении многолетия Его Императорскому Величеству и всей Августейшей фамилии с крепости произведена была пушечная пальба 101-м выстрелом.

После чего из церкви как духовные, так и военные и гражданские чиновники отправились по приглашению к губернскому предводителю дворянства, который от лица всего дворянства давал обеденный стол и потом угощение в нарочно приготовленном для того лагере. Число приглашенных к столу особ было более 100. В продолжение стола и всего дня играла инструментальная музыка. При питии же за Высочайшее здравие Всемилостивейшего Государя, всего Августейшего Дома и храброго российского воинства паки была производима пушечная пальба. В ознаменовании же радости и принимаемого в оной искреннего участия, присутствовавшие в сем собрании, внесли в пользу раненых под Парижем воинов 880 руб. кои и отправляются куда следует.

Стечение народа и паче из кабардинцев и других горских народов при сем случае было довольно многочисленное, и сие торжество приметно произвело в них сильное впечатление» [9]. Воистину это была общая победа и общая радость!

Заметный след в жизни А.Ф. Реброва оставил Алексей Петрович Ермолов. Тонко разбиравшийся в людях новый командир Отдельного Грузинского корпуса и управляющий по гражданской части на Кавказе [10] высоко ценил его деловые и человеческие качества, поручал ему весьма ответственные дела.

В письмах к Петру Андреевичу Кикину, А.П. Ермолов писал: «Ты найдешь в нем человека весьма умного, и, конечно, о Кавказской области никто более основательнейших сведений не имеет». И в другом письме характеристика для А.Ф. Реброва была не менее лестной: «Ты найдешь в нем хороший, основательный ум и лучшие о крае сведения. Это живой архив» [11]. Он представил его к ордену Святой Анны 2-й степени, и в 1819 г. Алексей Федорович стал коллежским советником.

Именно А.Ф. Реброву «проконсул Кавказа» поручил собирать сведения о местных народах и землях Кавказского края. Шла интенсивная подготовка к размежеванию земель, и здесь опыт А.Ф. Реброва был незаменим. Заслуги его были оценены по достоинству, и в 1821 г. он получает орден Святого Владимира 3-й степени, а на следующий год по высочайшему повелению назначается чиновником по особым поручениям при главнокомандующем на Кавказе. К числу проектов подготовленных А.Ф. Ребровым по поручению А.П. Ермолова относят: «Положение об управлении Кавказской областью», «Правила о наделении казачьего линейного войска землями», «Правила устройства Кавказских Минеральных Вод хозяйственным образом», «Положение об управлении магометанскими инородцами и калмыками, кочующими в ставропольской губернии» [12].

Обращает на себя внимание особая щепетильность чиновника в вопросах чести. В свое время крестьяне богатого селения Маслов Кут просили его выкупить их имение и даже готовы были заплатить самостоятельно половину суммы. Но, «он отказался от приобретения этого богатого имения, из опасения, чтобы враги Ермолова не сказали, что служивший при нем чиновник приобрел на службе, под его началом, такие деньги и мог купить столь большое селение» [13].

По поручению «проконсула Кавказа» занялся А.Ф. Ребров такой непростой и запутанной проблемой, как положение ясырей. Подготовленная им докладная записка была отмечена Иваном Федоровичем Паскевичем, сменившим А.П. Ермолова. В рапорте

Правительствующему Сенату от 5 июня 1828 г. он писал, что «предместник мой, по доходившим к нему жалобам от разных поселившихся в Кавказской области азиатцев на присутственные сей области места, которые при разборе дел, отгискивающих свободы разного происхождения людях, руководствуясь Российскими законами, отсуждали сих людей из их владений в казну, и по поводу указа Сената, от 18-го октября 1818 года, коим, вследствие рапорта бывшего Кавказского губернского прокурора на счет таковых дел требовано было от ген. Ермолова по сему предмету мнение, - поручал находившемуся при нем с.с. Реброву, собрать о всех принадлежащих азиатцам по Кавказской области ясырях с присовокуплением соображений с общими законами и постановлениями, в других губерниях и областях на людей подобного рода существующими.

Вследствие чего Ребров доставил составленные им о таковых людях именные списки, сведения, из коих они почерпнуты, и особую записку, заключающую в себе извлечения из законов и распоряжений местного начальства, относящихся до азиатских ясырей, и предположения, которые на счет сего класса людей признаваемы им были приличными.

По вступлении моем в управление здешним краем, найдя дело сие нерассмотренным и по важности оного признав его заслуживающим особенных местных соображений, я препроводил, от 13-го мая 1827 года, все доставленные Ребровым бумаги к начальнику Кавказской области для внесения оных... на рассмотрение Областного совета, с тем, чтобы он, вникнув в права владельцев означенных ясырей, в существующие законы и в местные обстоятельства Кавказского края, изложил по сему предмету его мнение и доставил бы оное ко мне через посредство начальника Кавказской области». Когда указанное поручение было выполнено, И.Ф. Паскевич представил его «на благорассмотрение Правительствующего Сената», признав проделанную работу и мнение Кавказского областного совета, опиравшееся на материалы, подготовленные А.Ф. Ребровым «самым основательным» [14].

После отставки А.П. Ермолова, симпатия к которому, видимо, заставляла А.Ф. Реброва оставаться на службе, он решает окончательно сосредоточить все свое внимание на ведении собственного хозяйства. Пожелание Алексея Федоровича было удовлетворено не сразу, и лишь в июне 1830 г. он получил отставку. За свои заслуги А.Ф. Ребров удостоился монаршего благоволения и получил пенсию в размере 250 руб. серебром в год [15]. Теперь вся энергия и талант Алексея Федоровича сосредоточились на занятии сельским хозяйством и предпринимательством, где он добился впечатляющих успехов.

Приданое жены Александры Ивановны, в девичестве Савельевой, и собственные скромные сбережения позволили А.Ф. Реброву сделаться достаточно преуспевающим по местным меркам помещиком. В 1844 г. у него было 13150 десятин земли в Кизлярском и Пятигорском округах и 289 душ крестьян [16]. Принадлежавшее семье Ребровых селение Владимировка Пятигорского округа стало для Алексея Федоровича настоящим «испытательным полигоном», где он добился выдающихся достижений в виноградарстве, огородничестве, шелководстве.

Как писал в 1839 г. французский ученый-путешественник Гомер, «проезжая по западным степям Каспия, я нашел одно из прекраснейших поместий на реке Куме – село Владимировку. Тут видна широкая и разумная мысль во всем расположении этого имения. Солончаки, топкие и недоступные к возделыванию земли, превращены посредством канав в шелковичные плантации и виноградные сады. Подъезжая к этому оазису, расположенному вдали от всякого поселения, видишь вершины американских и итальянских тополей, как великанов на страже степи. Здания мелькают между деревьями. Еще ближе, и вам представляются белые акации, прикрывающие террасы и колонны с балконами двухэтажного дома, принадлежащего хозяину имения» [17].

Сам помещик в докладной записке представленной Кавказскому статистическому комитету в 1840 г. описывал Владимировку следующим образом: «Основание сего поселения относится к 1770 году, но и тогда и теперь оно есть последнее поселение русских на окраине степей, прилегающей смежностью к народам кочевым: с правой стороны племен магометанских ведомства кавказского; с левой калмыками ведения управления Астраханского. С соседней сему имению дачей Бургонь-Маджары, принадлежащую помещику Скаржинскому, оканчивается цепь возвышений, тянущейся по правой р. Кумы стороне около 100 верст, начиная от села Отказного. С чертою дачи Владимировки начинается во все стороны низменная плоскость, большею частью безводная, не

пересекаемая ни возвышениями значительными, ни реками, исключая и Маныча, да и то в расстоянии около 100 верст по равнине степи Калмыцкой... Кавказская область, взяв с ее крепостей прежних и новых, не представляет и в городах роскошного зодчества зданий каменных. В самом областном городе нет 10-ти частных каменных домов; в Пятигорске – 6, в Георгиевске – 3, в Моздоке и Кизляре – ни одного; в больших имениях помещичьих, где с лишком по 1000 десятин, то же. Но и в этом отношении преимуществом перед другими селениями Владимировка, где два дома помещичьих каменных, один двухэтажный; магазины, помещения для шелководства и 7 погребов со сводами для хранения вина тоже кирпичные – и вес мастеровыми домашними и без архитектора» [18].

А вот какие впечатления оставила Владимировка у французской путешественницы Адель Оммер де Гель, побывавшей здесь в том же 1840 г.: «Но каждое мгновение приближало нас к Владимировке, и уже перед глазами чистые воды Кумы и рощицы, покрывающие ее берега, сменили засушливые пески, театр нашей кочевой жизни, и объявили нам о появлении местности, щедро одаренной природой. Пейзаж, открывшийся нашему взору, был полон самобытной красоты и тем более удивителен для нас, что за долгое время пути мы отвыкли от привлекательного вида плодородной деревни.

Напротив, на склоне, элегантно жилище с двумя башенками по бокам и надстроенным бельведером, возвышающимся над деревьями, внезапно напомнило нам Европу, которая как бы вновь появилась перед нашими глазами между Каспийскими пустынями и горами Кавказа, первые вершины которого уже вырисовывались на горизонте.

Позади нас – кочевья калмыков и караваны верблюдов, – по мере удаления они казались миражом, столь частым в пустыне. Слева, на склоне, немного ниже дворянского дома живописно расположилась деревня, до самых берегов Кумы она спускалась амфитиатром, и можно было заметить фабрики, дома, отделенные один от другого плантациями тутовых деревьев, орешником и пирамидальными тополями, уже слегка окрашенными оттенками наступающей осени. Все это изобилие, созданное будто по волшебству, открылось перед нашими глазами как великолепное вознаграждение за прошлые тяготы. ... Владимировка – одна из самых прелестных усадеб, когда-либо виденных мною в России» [19].

Как уже видно из воспоминаний, для обеспечения бесплодных земель водой А.Ф. Ребров приказывает прорыть каналы, устраивает мельницы, высаживает лес и на бывших солончаках разводит сады и виноградники. Не скупясь на средства, он приглашает к себе опытных специалистов из Франции – знатока столовых вин Анго, винодела шампанского Тилье. Не удивительно, что продукция А.Ф. Реброва становится известна далеко за пределами края, принося доход своему производителю. Особо ценилось шипучее вино названное в честь Алексея Федоровича – «Ребровское полушампанское».

Как писала цитируемая выше Адель Оммер де Гель, «каждый год он отправляет в Москву, по крайней мере, 2 тысячи бутылок, из расчета продать каждую за 4 рубля. ... Его сады наполнены всеми европейскими фруктами, множеством сортов винограда, что приносит ему большую прибыль. Среди сортов винограда я отметила Шираз – без косточек и очень нежный. Я также не должна забыть его восхитительное вино «глаз куропатки», которое нам подавали каждый день на десерт к великому удовольствию фабриканта. Ничто так не льстило его самолюбию, как слышать наши сравнения его вин с лучшими марками вина Франции, которое мы делали с первого до последнего дня нашего пребывания у него. Позже наш энтузиазм несколько остыл, но, все равно, наш хозяин не оставлял малейшей возможности нас убедить в том, что его вино может составить конкуренцию всему лучшему, что производит Шампань» [20].

Не привыкший ограничиваться только собственными интересами, Алексей Федорович разрабатывает правила для обучения училищу виноделия в Кизляре, стремясь поделиться накопленным опытом со всеми желающими.

Занимаясь разведением огородных культур, А.Ф. Ребров вывел новый сорт лука. Величиной с кулак, он по своим вкусовым качествам превосходил все местные сорта. Необычного синего цвета, «ребровский» лук мог долго храниться и за это пользовался большим спросом на городских рынках не только Северного Кавказа, но даже Москвы [21].

Немало сил приложил деятельный помещик для производства шелка. Во Владимировке к 1828 г. существовало «шелкомотательное заведение», позволявшее

хозяину продавать два-три пуда шелка ежегодно. Его продукция отличалась качеством и оценивалась в 400–450 руб. [22] Она могла конкурировать «с самыми лучшими шелками Прованса» [23].

Чтобы вывести улучшенную породу шелкопряда, А.Ф. Ребров выписал из Пекина в 1836 г. червей породы Сина и, тщательно отбирая коконы, отличающиеся своей белизной, выкармливая червяков особой белой шелковицей, добился того, что его коконы, стали качественнее китайских. Но на этом деятельный помещик не остановился и для сравнения выписал «семена» этого сорта из Франции, убедившись, что его продукция ни в чем не уступает европейской [24]. Свой товар А.Ф. Ребров с успехом реализовывал в Москве, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге [25].

По данным на 1842 г. из 668 жителей Владимировки в изготовлении шелка было задействовано 435 человек. Созная, что занятие шелководством требует высококвалифицированных, грамотных работников, Алексей Федорович открывает специальную школу на 40 мест. Недаром из Владимировки вышли известные мастера по производству шелка, такие как Михаил Ольгин, Николай Медведев. Последний станет даже управителем шелкомотательной фабрики в Ташкенте [26].

Стремясь распространить полученный опыт, помещик-энтузиаст приглашал для бесплатного обучения учеников из Императорского Московского общества сельского хозяйства, Общества Южной России. Он просил Кавказского гражданского губернатора барона М.М. Таубе «приказать сделать известным между помещиками, поселенными казачьими войсками, и поселянами здешней области... не рассудит ли кто и из них прислать в заведение мое в слободе Владимировка на реке Куме состоящее учеников для изучения улучшенному шелководству; или же хотя самих коконов шелковых, у них производимых, для размотки за умеренную плату; либо же самой продажи коконов в заведение мое, если бы кто затруднился или не похотел размотать оные» [27].

Им была сконструирована машина для размотки шелка, которая по оценке специалистов была «признана могущею доставить большие выгоды» для отечественного шелководства. Император Николай I, будучи на выставке, устроенной в Ставрополе, обратил внимание на ребровский шелк и дал ему лестную оценку, сказав, что «мы в этом спорим с французами» [28].

Но на самом деле кавказскому шелководству было далеко до французского, о чем говорил и сам А.Ф. Ребров, приводя соответствующие статистические данные [29]. Несомненные успехи самого Алексея Федоровича ситуации изменить не могли [30]. Он с горечью должен был констатировать, что «отрасль сия при всех поощрениях правительства здесь не расширяется, не улучшается – сие должно отнести уже к той степени соревнования вообще хозяев шелководцев в кавказской области у которых продукт сей, как и другие, находится на низкой степени и продается в трое, дешевле моего, а при всем том никем не принята даже безвозмездная готовность моя, не раз чрез начальство изъявленная, изучать правильному уходу за червями и улучшенной размотке шелку. Только в опекунство мое над Масловым Кутом, в 1836 г. вызвал я согласие покойного помещика взять на 3 месяца 5 девочек и мальчиков из детей, коих отцы бежали в Анапу, но и те не оказали ни охоты, ни способности, так же, как и ученики казенные из Крыма и Кизляра» [31].

Крепостной подневольный труд явно показывал свою несостоятельность, а помещики в большинстве своем не желали утруждать себя хозяйственными проблемами и вести капиталистическое хозяйство. В качестве примера вопиющего равнодушия А.Ф. Ребров приводил свидетельство того, как «в 1839 г. от Министерства Финансов из департамента мануфактур и торговли прислано ко мне 25 экземпляров описания с чертежами д'Арсетова садка, введенного во Франции для удобнейшей и прибыльной выкормке червей. На меня возложено снабдить сими книжками любителей шелководства... Цена тетрадки назначена 2 р. асс. Разослав к 22 предводителям дворянства и градским главам экземпляры для снабжения желающих, я от некоторых получил их в возврат, с отзывом, что никто желания не изъявил!

Впоследствии из того же департамента доставлена ко мне и модель сего садка, приготовленная в Технологическом институте для приспособления по ней шелководных помещений. Существенная выгода сего садка в том состоит, что устроив по нем здания, и при тщательном выполнении порядка во время питания червей, можно из того же количества

семян, какое выпускается, получать вдвое коконов... я известил Г.Г. шелководов чрез их начальство, приглашал пожаловать ко мне в заведение, где свои помещения червеводные приспособляю сколько удобство позволяет к сему садку, но и на сие никто не изъявил желания» [32].

Авторитетнейшее французское Королевское общество шелка признало продукцию А.Ф. Реброва лучшей в Европе. Вопреки мнению о том, что нет пророка в своем Отечестве, заслуги Алексея Федоровича были отмечены и в России. В 1832 г. его избрали членом Императорского Московского общества сельского хозяйства, а весной 1834 г. А.Ф. Реброва награждает Императорское Московское общество испытателей природы. В июне 1834 г. на сельскохозяйственной выставке ребровский шелк получает высокую оценку специалистов, и его изготовитель удостоивается золотой медали с надписью «За труды». Когда в декабре 1850 г. состоится торжественное собрание Московского общества сельского хозяйства, его участники примут решение поместить в зале заседаний портрет Алексея Федоровича, как одного из первых шелководов страны.

За что ни брался вездесущий помещик, везде он становился примером для подражания. Видя перспективность развития на Кавказе овцеводства, он немало усилий приложил для того, чтобы вывести регион в этом деле на качественно новый уровень. Долгое время здесь выращивали обычных овец в основном «трушнянской» породы [33]. А.Ф. Ребров решил попробовать завести тонкорунных овец-мериносов, для чего в 1813 г. приобрел несколько племенных «шпанских овец». К 1828 г. в его хозяйстве насчитывалось уже 200 мериносов и такое же число «ублюдков» [34]. За подвижнические труды Московское общество улучшения овцеводства сделало в 1832 г. А.Ф. Реброва своим членом. Выращивал помещик и лошадей. Его кони арабской породы поставлялись в воинские части [35].

Остается поражаться успехам Алексея Федоровича, если вспомнить, в каких непростых условиях ему приходилось действовать. В любой момент набеги горских «хищников» могли привести к разорению и гибели его хозяйства. Так, «в 1835 году 60 черкесов, искушенных соблазном богатой наживы, спустились с гор с намерением разграбить и разорить Владимировку. Напав ночью, как настоящие бандиты, они хотели пленить небольшое население деревни и думали, что не встретят никакого сопротивления. Но Ребров, несмотря на то, что в течение многих лет жил в безопасности, никогда не питал иллюзий насчет своего положения и рано или поздно ждал нападения. В этом убеждении он взял за правило всегда быть настороже, чтобы расстроить планы своих ужасных соседей. Два рукава Кумы служили укреплениями для деревни и помещичьего дома. Небольшой редут, две пушки на лафетах в окрестностях и большое количество военных, собранных в комнате первого этажа со всеми необходимыми боеприпасами, чтобы продержаться на осадном положении, давали ему возможность быть почти уверенным в отражении любой атаки, какой бы грандиозной она ни была. Каждую ночь два часовых дежурили до утра, соблюдая осторожность, которая казалась бесполезной и которая спасла Владимировку от полного уничтожения.

Черкесы, ничего не зная об этих предупредительных мерах, вошли в деревню в полной уверенности, что никто не подозревает об их приближении. Но военный сигнал был уже дан, и все население Владимировки внезапно поднялось и было готово к битве. Рабочие и прислуга взялись за оружие, подняли мосты, оба орудия зарядили картечью, поместье превратилось в настоящую крепость; все это было сделано с такой быстротой, что, когда черкесы появились на берегу реки, защита деревни была организована прекрасно; но это все же не помешало им пересечь Куму вплавь и на лошадях. Ребров во главе своего небольшого отряда неутомимо командовал огнем и отражал атаки осаждающих. Три или четыре атаки были безрезультатными. Все точки настолько хорошо охранялись и все люди настолько храбро исполняли свой долг, что на рассвете черкесы ретировались. Но, разъяренные таким отступлением – без славы и добычи, они предали огню деревню и окрестные места» [36].

Имя А.Ф. Реброва неразрывно связано с кавказскими курортами Пятигорья. Еще в 1798 г. участвуя в экспедиции генерала Маркова, юный секретарь побывал на Кислых водах [37]. В дальнейшем он внес свою немалую лепту в благоустройство этих мест. А.Ф. Ребров составил правила устройства Кавказских минеральных вод хозяйственным образом. Неподалеку от Горячей горы, близ минеральных источников дальновидный предприниматель возводит дом, который по достоинству оценили многие именитые

путешественники, побывавшие на молодом курорте [38]. В 1823 г. возводится усадьба близ источника нарзана, знаменитый, прославленный М.Ю. Лермонтовым «Дом княжны Мери» [39]. Среди гостей дома А.Ф. Реброва были зодчий С.И. Уптон, кавказские наместники М.С. Воронцов, А.И. Барятинский [40]. Появляется особняк в самом центре Ставрополя, куда А.Ф. Ребров перевозит свою библиотеку и картины.

Для благоустройства курортов А.Ф. Ребров не жалел саженцев, которые завозил из Владимировки. Знаменитый Кисловодский парк был основан благодаря его стараниям [41]. И первый памятник Кисловодска – каменный крест, воздвигнутый на горе Крестовой в 1848 г., это тоже заслуга Алексея Федоровича [42].

Государственная служба не оставляла А.Ф. Реброва. В 1835 г. он становится членом Кавказского областного статистического отделения и членом-корреспондентом статистического отделения при Министерстве внутренних дел. Тогда же его награждают орденом Святого Станислава 2-й степени со звездой за его заслуги на пользу отечественной промышленности. Кавказское дворянство, ценившее деловые качества Алексея Федоровича, в 1841 г. в очередной раз выбирают его в качестве своего предводителя. Именно А.Ф. Ребров принял активное участие в борьбе с саранчой, которая обрушилась на Пятигорский округ из соседнего Кизлярского. В 1850 г. он становится членом Кавказского общества сельского хозяйства, через три года членом Императорского Вольно-экономического общества, Императорского Русского географического общества.

Выводы

Годы брали свое. В конце жизни А.Ф. Ребров окончательно перебирается в Пятигорск и Кисловодск. К тому времени это были уже хорошо известные и достаточно благоустроенные курорты, в чем, безусловно, была немалая заслуга Алексея Федоровича. Умер он 23 октября 1862 г. в Пятигорске и был похоронен предположительно в склепе Лазаревской церкви.

Примечания:

1. Юрьев Н.И. Материалы для биографии Алексея Федоровича Реброва // Третьи Ребровские музейно-краеведческие чтения 17–18 февраля 2011 года. Часть I. Материалы для биографии А.Ф. Реброва. Вып. I. / Под ред. Ю.Ю. Клычников. Кисловодск, 2012. С. 9.
2. Орудина Л.Г. У порога синих гор: Исторические очерки. Ставрополь, 1983. С. 99.
3. Юрьев Н.И. Указ. соч. С. 10.
4. Коваленко А.Н. Алексей Федорович Ребров (К 225-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2001 год. Краеведческий сборник. Ставрополь, 2001. С. 43.
5. Цит. по: Шевченко Г.А. На земле предков. Страницы истории Кавказских Минеральных Вод. Пятигорск, 2003. С. 22.
6. Юрьев Н.И. Указ. соч. С. 11.
7. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 87. Оп. 1. Д. 307. Л. 1.
8. Там же. Л. 1–1 об.
9. Там же. Л. 8–8 об.
10. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Эссендуки, 1999.
11. Письма А.П. Ермолова к П.А. Кикину (1817–1832) // Русская старина. 1872. Т. VI. Ноябрь. С. 507.
12. Юрьев Н.И. Указ. соч. С. 14.
13. Там же. С. 18.
14. Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссиею. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 933–937.
15. Клычников А.Ю., Клычников Ю.Ю. Алексей Федорович Ребров: страницы биографии. Пятигорск, 2011. С. 36.
16. Кисловодск в исторических документах. 1803–1917. Сборник документов. Ставрополь, 1997. С. 173.
17. Цит. по: Ясинов В. Владимировка – усадьба Реброва // Земля ставропольская. Альманах «Памятники отечества» №48. М., 2001. С. 82.
18. Цит. по: Коваленко А.Н. Указ. соч. С. 45.

19. Соснина Е.Л. Два путешествия в серебряный век. Пятигорск, 2003. С. 252–254.
20. Там же. С. 254–255.
21. Ясинов В. Указ. соч. С. 83.
22. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., 1960. С. 45.
23. Соснина Е.Л. Указ. соч. С. 254.
24. ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 489. Л. 4–4 об.
25. Там же. Л. 1.
26. Ясинов В. Указ. соч. С. 83.
27. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 289. Л. 1–1 об.
28. ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 489. Л. 9 об.
29. Там же. Л. 11 об., 12 об.
30. Там же. Л. 12.
31. Там же. Л. 14–14 об.
32. Там же. Л. 6–6 об.
33. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Причеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. Грозный, 1961. С. 47.
34. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 138.
35. Ясинов В. Указ. соч. С. 83.
36. Соснина Е.Л. Указ. соч. С. 254–255.
37. Кисловодск в исторических ... С. 7.
38. Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь, 1974. С. 10, 15.
39. Кисловодск в исторических... С.39, 71; Махлевич Я.Л. «И Эльбрус на юге...». М., 1991. С. 4–8.
40. Польская Е.Б., Розенфельд Б.М. Дорогие адреса. Ставрополь, 1974. С. 21.
41. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). С. 79.
42. Кисловодск в исторических... С.7.

References:

1. Jur'ev N.I. Materialy dlja biografii Alekseja Fedorovicha Rebrova // Tret'i Rebrovskie muzejno-kraevedcheskie chtenija 17-18 fevralja 2011 goda. Chast'I. Materialy dlja biografii A.F. Rebrova. Vyp. I. / Pod red. Ju.Ju. Klychnikova. Kislovodsk, 2012. S. 9.
2. Orudina L.G. U poroga sinih gor: Istoricheskie ocherki. Stavropol', 1983. S. 99.
3. Jur'ev N.I. Ukaz. soch. S. 10.
4. Kovalenko A.N. Aleksej Fedorovich Rebrov (K 225-letiju so dnja rozhdenija) // Stavropol'skij hronograf na 2001 god. Kraevedcheskij sbornik. Stavropol', 2001. S. 43.
5. Cit. po: Shevchenko G.A. Na zemle predkov. Stranicy istorii Kavkazskih Mineral'nyh Vod. Pjatigorsk, 2003. S. 22.
6. Jur'ev N.I. Ukaz. soch. S. 11.
7. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (GASK). F.87. Op.1. D.307. L. 1.
8. Ibid. L. 1–1 об.
9. Ibid. L. 8–8 об.
10. Klychnikov Ju.Ju. Dejatel'nost' A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816-1827). Essentuki, 1999.
11. Pis'ma A.P. Ermolova k P.A. Kikinu (1817-1832) // Russkaja starina. 1872. T.VI. Nojabr'. S. 507.
12. Jur'ev N.I. Ukaz. soch. S. 14.
13. Ibid. S.18.
14. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoju komissieju. Tiflis, 1878. T.VII. S. 933–937.
15. Klychnikov A.Ju., Klychnikov Ju.Ju. Aleksej Fedorovich Rebrov: stranicy biografii. Pjatigorsk, 2011. S. 36.
16. Kislovodsk v istoricheskikh dokumentah. 1803-1917. Sbornik dokumentov. Stavropol', 1997. S. 173.
17. Cit. po: Jasinov V. Vladimirovka – usad'ba Rebrova // Zemlja stavropol'skaja. Al'manah «Pamjatniki otechestva» №48. М., 2001. S. 82.

18. Cit. po: Kovalenko A.N. Ukaz. soch. S. 45.
19. Sosnina E.L. Dva puteshestvija v serebrjanyj vek. Pjatigorsk, 2003. S. 252–254.
20. Ibid. S. 254–255.
21. Jasinov V. Ukaz. soch. S. 83.
22. Fadeev A.V. Rossiija i Kavkaz v pervoj tretej XIX veka. M., 1960. S. 45.
23. Sosnina E.L. Ukaz. soch. S. 254.
24. GASK. F.79. Op.2. D.489. L. 4–4 ob.
25. Ibid. L. 1.
26. Jasinov V. Ukaz. soch. S. 83.
27. GASK. F.444. Op.1. D.289. L. 1–1 ob.
28. GASK. F.79. Op.2. D.489. L. 1. 9 ob.
29. Ibid. L. 11 ob., 12 ob.
30. Ibid. L. 12.
31. Ibid. L. 14–14 ob.
32. Ibid. L. 6–6 ob.
33. Gricenko N.P. Social'no-jekonomicheskoe razvitie Priterechnyh rajonov v XVIII – pervoj polovine XIX vv. Groznyj, 1961. S. 47.
34. Klychnikov Ju.Ju. Rossijskaja politika na Severnom Kavkaze (1827-1840 gg.). Pjatigorsk, 2002. S. 138.
35. Jasinov V. Ukaz. soch. S. 83.
36. Sosnina E.L. Ukaz. soch. S. 254–255.
37. Kislovodsk v istoricheskikh ... S. 7.
38. Nedumov S.I. Lermontovskij Pjatigorsk. Stavropol', 1974. S.10, 15.
39. Kislovodsk v istoricheskikh... S. 39, 71; Mahlevich Ja.L. «I Jel'brus na juge...». M., 1991. S. 4–8.
40. Pol'skaja E.B., Rozenfel'd B.M. Dorogie adresa. Stavropol', 1974. S. 21.
41. Klychnikov Ju.Ju. Dejatel'nost' A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816-1827). Essentuki, 1999. S. 79.
42. Kislovodsk v istoricheskikh... S. 7.

УДК 94(479) «18/1917»

Алексей Федорович Ребров: чиновник, предприниматель, меценат

Юрий Юрьевич Клычников

Пятигорский государственный лингвистический университет, Российская Федерация
 Доктор исторических наук, профессор

Аннотация

В статье реконструируется биография выдающегося российского чиновника, помещика-новатора А.Ф. Реброва. Его судьба связана с российским освоением Северного Кавказа, в котором он принял самое активное участие. Труды А.Ф. Реброва высоко ценила кавказская администрация, современники отмечали его вклад в развитие шелководства, виноделия, огородничества. Он был известен как меценат и просветитель.

Ключевые слова: чиновник; канцелярия; шелководство; виноградарство; дворянство; овцеводство; курорты; поместье.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 11, No. 3, pp. 130-140, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94(47).084

The Soviet Polity and the Church in 1940-1945 (Based on Materials from the “Krasnyi Sever” Newspaper)

Oleg B. Molodov

Institute of Socio-Economic Development of RAS, Russian Federation
160014, Vologda, Gorky St., 56 a
PhD (History), senior research associate
E-mail: o_young8172@mail.ru

Abstract

In this article, the author makes an attempt to analyze changes in the state's confessional policy in 1940-1945. Based on materials from Vologda's regional newspaper “Krasnyi Sever”, the author conducts a comprehensive study of publications relating to religion, the faithful, religious associations, and atheist activities. While on the eve of the Great Patriotic War, antireligious activity had been given considerable attention, with its commencement this line of work pursued by the authorities and public organizations lost its topicality. After the “radical turning point” in the war's development, there emerged the period of softening the treatment of clergy, the faithful, and their communities, which lasted until the end of the 1940s.

Keywords: polity; religion; church; faithful; atheism; antireligious propaganda; Great Patriotic War.

Введение

Взаимоотношения государства и религиозных объединений являются одной из актуальных проблем исследования в современной гуманитарной науке. История государственно-церковных отношений в СССР находится под пристальным вниманием историков, политологов и правоведов. Одним из дискуссионных вопросов является «потепление» взаимоотношений государства и Русской православной церкви в первой половине 1940-х гг. Существует мнение, что уже к началу Великой Отечественной войны началось «смягчение» государственной вероисповедной политики, однако серьезных аргументов в пользу этой позиции немного. Большинство исследователей акцентируют внимание на осени 1943 г., когда после встречи церковных иерархов с И.В. Сталиным в Кремле, наступил новый этап государственно-церковных отношений в СССР.

Материалы и методы

При подготовке статьи использовались материалы вологодской областной газеты «Красный Север» и проводился контент-анализ публикаций за 1940–1945 гг., затрагивающих религиозную и атеистическую тематику. Газета «Красный Север», издававшаяся с 1918 г. в качестве печатного органа областного комитета ВКП(б),

выпускалась на четырех полосах (в годы войны иногда на двух) и содержала разнообразную информацию об актуальных вопросах государственной, партийной и общественной жизни.

В качестве теоретико-методологической основы были выбраны принципы историзма, объективности и системности. Максимально возможно нейтрализовалось субъективное отношение исследователя к публикуемым фактам и событиям.

Результаты

С введением в действие декрета ВЦИК и СНК от 20 января 1918 г. советское государство, партийные органы и атеистически настроенная общественность развернули активную антирелигиозную деятельность, направленную на полное уничтожение «религиозных предрассудков». В течение двух десятилетий шла борьба с религией и церковью, духовенством и верующими, в результате которой к началу Великой Отечественной войны по существу была разрушена православная церковная организация. На территории обширных северных епархий практически не осталось действующих приходов и духовенства. В Вологодской области имелась одна действующая община верующих Богородского кладбищенского храма областного центра, впоследствии ставшего кафедральным собором. На остальной территории Вологодской области легальная церковно-приходская жизнь отсутствовала.

Анализ содержания газеты «Красный Север» показывает, что публикации по антирелигиозной тематике периодически появлялись до мая 1941 года включительно. Всего за 1940–1941 гг. в данной газете опубликовано 37 статей, из которых 9 (25%) имеют общий характер или частично относятся к теме исследования (например, очерки о краеведческом музее и его атеистических экспозициях). Остальные публикации касаются исключительно организации антирелигиозной пропаганды (далее – АРП). Динамика выхода статей общей тематики и касающихся АРП показана в Таблице 1.

Таблица 1

Количество публикаций, посвященных антирелигиозной пропаганде, за 1940–1941 гг.

Месяц	1940			1941		
	Всего	общих	об АРП	Всего	общих	об АРП
Январь	2	-	2	3	1	2
Февраль	2	-	2	2	-	2
Март	1	1	-	3	1	2
Апрель	3	2	-	4	1	3
Май	3	-	3	3	-	3
Июнь	1	-	1	-	-	-
Июль	1	-	1	-	-	-
Август	1	-	1	-	-	-
Сентябрь	-	-	-	-	-	-
Октябрь	2	1	1	-	-	-
Ноябрь	2	1	1	-	-	-
Декабрь	4	1	3	-	-	-
ВСЕГО	22	6	16	15	3	12

На основании выявленных показателей можно отметить регулярность выхода подобных публикаций вплоть до начала военных действий в июне 1941 года. Заметен и незначительный рост «сезонной» активности авторов-атеистов в декабре-январе и апреле-мае месяце, очевидно, связанный с календарем православных праздников. Зимний период для верующего населения Вологодчины ознаменован подготовкой и празднованием Рождества и Крещения Христова, а весенний – Великим постом и праздником Пасхи.

Критические статьи в зимние и весенние месяцы обычно имели общий характер: их авторы разоблачали классовую сущность христианства и религии вообще, а также отдельных православных праздников.

В целом преобладали публикации, отражающие деятельность отделений Союза воинствующих безбожников (СВБ) – специализированной общественной организации с антирелигиозной направленностью.

Материалы атеистического характера обычно публиковались в «Красном Севере» на второй полосе под рубрикой «Партийная жизнь», поскольку именно на районные организации ВКП(б) возлагалась обязанность руководить деятельностью отделений СВБ, под крыло которых объединялись все антирелигиозно настроенные активисты. Реже небольшие очерки печатались в рубрике «На темы дня». Статьи, отчасти затрагивающие атеистическую тематику, встречаются на четвертой полосе газеты и посвящаются работе местных музеев.

На основании публикаций можно утверждать, что комплекс проводимых мероприятий подобного характера отличался традиционностью. Например, проводились беседы «Был ли Христос», «Происхождение и классовая сущность рождества» [1], читались лекции на тему «Религия – тормоз в борьбе за урожай», «Религиозные чудеса и их разоблачение» (с демонстрацией химических опытов) и т.п. [2].

Кроме того, антирелигиозной работой занимались как специальные музеи в г. Вологде и Великом Устюге, так и краеведческие музейные учреждения. Отделы Вологодского антирелигиозного музея назывались: «Церковь на службе контрреволюции», «Коммунизм и религия». Там наряду с различными экспонатами демонстрировались картины о насильственном крещении в Днепре в 988 году и «Полюдь» [3]. Сотрудники музеев выезжали в экспедиции с целью сбора фольклорных произведений атеистического содержания и оказания помощи местным антирелигиозникам [4].

Софийский собор г. Вологды также превратился в филиал музея, где размещалась экспозиция «Борьба религии с наукой» в виде художественных макетов «Сожжение Бруно» и «Суд над Галилеем». В целях АРП использовались и его фрески, в частности, «Страшный суд» [5].

Статьи о положительном опыте проведения АРП встречаются редко. На страницах газеты активисты-антирелигиозники чаще подвергают острой критике работу большинства районных советов СВБ и райкомов ВКП(б), курирующих их деятельность, в частности, совет Биряковского района, где в течение 5 месяцев не было даже председателя [6]; советы Кирилловского района [7], Череповецкого района [8], Андомского и Петриневского районов [9] и другие организации. В данных публикациях указывается на «наплевательское отношение» к АРП, поводом для которого является отсутствие действующих приходов. Райкомы партии Борисово-Судского, Верховажского и Павинского районов «формально относятся к руководству антирелигиозной пропагандой, отмахиваются от нее, считают чужим делом», – отмечал в своей статье Н. Пушкин, председатель областного совета СВБ [10]. Он же требовал от «грязовецких безбожников» поднять антирелигиозную пропаганду на должную высоту [11].

Низкая активность, формализм и кампанейский характер отмечались в работе и других районных организаций СВБ, отдельных партийных ячеек. Например, в Пришекснинском районе у райсовета СВБ отсутствовал даже план работы, а в некоторых ячейках больше года не было секретарей. Здесь же отмечалось, что местные комсомольцы «ограничиваются речами по поводу антирелигиозной пропаганды, а дела не делают» [12].

Наряду с положительным опытом АРП в железнодорожной средней школе № 8 г. Вологды учителями отмечается недостаточная помощь политотдела и комсомола железной дороги, вспоминавших о школе только в дни антипасхальной кампании [13].

Попытки оживить антирелигиозную деятельность на территории области в предвоенные годы были связаны с проведением отчетно-выборных собраний в подразделениях СВБ, намеченных на 1 октября–15 ноября 1940 года. Подготовка подобных мероприятий иногда выступала стимулом для роста активности антирелигиозников. В частности, ячейка Вологодского водочного завода выросла за период подготовки собрания с 13 до 46 членов [14]. Однако данная кампания протекала медленно и в ряде случаев

неорганизованно. Перевыборы в органах СВБ Сокольского и Оштинского районов не завершились и к середине декабря [15].

К началу 1940 г. Наркомпросом РСФСР были организованы заочные курсы пропагандистов-антирелигиозников, в рамках которых планировалось подготовить 220 вологжан [16]. Но даже в конце мая Великоустюгский, Сокольский и Тотемский районы не подобрали кандидатов на обучение и не укомплектовали консультационные пункты [17].

В преддверии важного события – Второй областной конференции СВБ – в «Красном Севере» появилась «передовица», в которой звучал призыв повседневно вести АРП: «Печать, кино, радио, школы, библиотеки, клубы, читальни, театры – все должно бить в одну точку» [18]. На конференции, проходившей 15–16 марта 1941 года, отмечался положительный опыт организации АРП в Кич-Городецком, Междуреченском и Устюженском районах. Критике подвергся и сам областной совет СВБ, который «только рассылал небрежно отпечатанные директивы, не занимался проверкой [их] исполнения». К недостаткам в организации АРП выступающие отнесли ее кампанейский характер, отсутствие литературы и наглядных материалов, а также проведение лекционной работы в основном среди неверующих. В итоге работа областного совета СВБ была признана неудовлетворительной, намечены меры по ее улучшению, а совет переизбран [19].

Изучение газетных публикаций показывает, что среди населения, особенно сельского, массово справлялись православные праздники, занимавшие порой два–три дня подряд [20, 21, 22]. Критика проведения «поповско-кулацких» праздников в основном была связана с массовыми прогулами колхозников, совершенными в эти дни. Учитель А.И. Козлов, делившийся собственным опытом проведения АРП среди школьников, отмечал, что дети по-прежнему «играют в святки, а родители припедают детей в лучшем в дни религиозных праздников» [23]. Имелись и другие неформальные проявления религиозности, однако в печати подобная информация встречается редко. В частности, в Тарногском районе некая Л-ва, «взяв на себя функции попа, крестила детей в бадье, поминала умерших “за упокой”, получала за это от верующих деньги и продукты» [24]. Подобные явления на Вологодчине были нередкими и в последующие десятилетия по причине минимального количества действовавших православных приходов.

Анализ публикаций предвоенных лет показывает, что антирелигиозная деятельность в те годы все больше становилась уделом общественных организаций, прежде всего специализированных, как СВБ. Руководящая роль партийных и комсомольских организаций, как и сама работа СВБ, постепенно приобретала формальный и кампанейский характер. Видимо, отсутствие действующих приходов и активного духовенства внушало самоуспокоенность многим партийным и советским деятелям, считавшим, что идеологический противник уже повержен, а религия вместе с ее стареющими носителями вскоре отомрет сама.

Несмотря на то, что неформальные и скрытые проявления религиозности имели массовый характер, с началом военных действий антирелигиозная деятельность утрачивает свою актуальность более чем на два года. С лета 1941 г. основное печатное издание Вологодчины перестало уделять внимание еще недавно актуальной проблеме антирелигиозной пропаганды и борьбе за искоренение религиозных верований. Сопоставляя хронологию важнейших событий церковной жизни в 1941–1945 гг. с публикациями главной областной газеты, можно утверждать, что ее редакцией использовалась тактика замалчивания проблем, связанных с данной сферой жизни (табл. 2).

Количество публикаций по жанру или тематике за 1943–1945 гг.

Год	Жанр или тематика			Всего статей
	Информационное сообщение	Поздравительная телеграмма	Статья о научном мировоззрении	
1943	2	6	-	8
1944	1	-	1	2
1945	2	1	8	11
Всего	5	7	9	21

На первом этапе войны, когда для СССР ситуация складывалась крайне неудачно, материалов о религии и Церкви «Красный Север» не публиковал. Выпускавшийся в военное время в основном на двух полосах (кроме осени 1941 и зимы 1942 гг.), данный печатный орган в основном посвящался информационным сводкам с фронта, героизму вологжан-тружеников тыла и важнейшим международным событиям. С июня 1941 по январь 1943 г. ничего связанного с религиозной тематикой нами не выявлено. Вместе с тем, исследователи отмечают позитивные изменения по отношению к Церкви с первых месяцев войны. Уже с июля 1941 г. православным духовенством был организован сбор пожертвований для нужд фронта. С середины августа в центральной прессе (газетах «Правда» и «Известия») начинается публикация положительных материалов о Церкви и верующих. В сентябре 1941 г. приостанавливается деятельность Союза воинствующих безбожников, закрываются антирелигиозные издания, проводятся массовые богослужения в официально не открытых храмах [25].

Начало 1943 г. ознаменовалось коренным переломом в ходе Великой Отечественной войны – разгромом группировки Паулюса под Сталинградом и началом наступления на всех фронтах. Все больше материалов посвящается героизму тружеников тыла, мероприятиям по повышению материально-технического оснащения вооруженных сил. В связи с этим расширяются масштабы помощи фронту через личные пожертвования, государственные займы и лотереи. Еще 30 декабря 1942 г. среди ряда телеграмм И.В. Сталина публикуется благодарность православному священнику из уральского г. Кунгура «за заботу о Красной Армии» [26]. Буквально через неделю последним в списке отмечается поступление взносов в Фонд обороны от вологодского священника В.А. Степанова в сумме 273 тыс. рублей (сумма весьма значительная, собранная, видимо, верующими прихода в целом) [27].

В дальнейшем информативные публикации «Красного Севера» о важнейших событиях церковной жизни редки, почти случайны. Отсутствует в нем сообщение о создании 14 сентября 1943 г. и деятельности Совета по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР и его уполномоченных на местах. При этом в газете имеется малозначимая для «вологодцев» (по выражению журналистов того времени) информация:

- об образовании Совета по делам религиозных культов при СНК СССР, осуществляющего связи с объединениями неправославных верующих [28];

- о беседе И.В. Сталина с заместителем Католика всех армян архиепископом Георгом Чеорекчяном [29].

Также нет ни одного упоминания о наличии православных храмов и общин на территории Вологодской области, да и верующих вообще. Вместе с тем, в течение 1943–начала 1944 гг. вологодские приходы собрали средств на танковую колонну им. Дмитрия Донского в размере 400 тыс. рублей [30].

Событий общесоюзного масштаба, связанных с Церковью, происходило немало, однако, как видится, несмотря на «оттепель» с осени 1943 г. в деятельности регионального печатного органа реализовывалась установка «дозировать» подобную информацию (как и ограничивать число открываемых приходов).

Двадцать пятая годовщина Октябрьской революции ознаменовалась в том числе публикацией в центральных газетах поздравлений И.В. Сталина церковными иерархами, а в вологодской прессе это не нашло отражения [31]. Правда, позднее, в канун православного

рождества, областная газета «исправилась». В своем «рождественском послании» Патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Старгородский) поздравил вождя с новым годом и сообщил о проходящем сборе пожертвований на постройку танковой колонны имени Дмитрия Донского. По его информации, от Патриархии, Елоховского (Богоявленского) кафедрального собора и его настоятеля Н.Ф. Колчицкого внесено в Госбанк в совокупности 500 тыс. рублей [32]. Председатель Совнаркома СССР ответил иерарху телеграммой, передав привет православному духовенству и верующим, а также благодарность Красной Армии «за заботу о бронетанковых войсках».

Позднее аналогичное письмо «глубоко чтимому вождю» опубликовано от имени Первоиерарха православных обновленческих церквей СССР А.И. Введенского, который пожертвовал на нужды фронта собственную панагию (архиерейский нагрудный знак), оцененную в Госбанке на сумму свыше 500 тыс. рублей. Он доложил, что Московское епархиальное управление обновленцев внесло 70 тыс. рублей на покупку самолетов. «Это лишь начало деловой лепты церкви побеждающей родины», – заключил митрополит [33].

В ноябре 1943 г. в областной газете напечатана целая серия поздравлений крупных религиозных деятелей – Сергея (Старгородского), теперь Патриарха Московского и всея Руси, лидера обновленцев А. Введенского, митрополита уральской обновленной православной церкви Филарета Яценко и Муфтия Центрального духовного управления мусульман [34]. Отметим, что данные телеграммы опубликованы спустя три дня после праздника на последней странице газеты, что отчасти свидетельствует о политике редакции в отношении такого рода информации. Последняя поздравительная телеграмма, направленная «любимому верховному Вождю нашего народа» новым Патриархом Московским и всея Руси Алексием (Симанским), посвящена взятию Берлина и победе в Великой Отечественной войне [35].

Однако, наиболее значимые события в истории государственно-церковных отношений в СССР, как известно, происходили осенью 1943 года. Вологодская областная газета оперативно отреагировала на известную встречу «в верхах», состоявшуюся 4 сентября, на которой присутствовали первые лица государства (И.В. Сталин и В.М. Молотов) и высшие православные иерархи во главе с митрополитом Сергием. Отсутствие за последние два десятилетия опыта публикации материалов о церковных событиях привело к путанице в написании органов, должностных лиц и санов первосвященников. Митрополит Николай (Ярушевич) в статье был поименован Киевским и Галицким (правильно – Галицким). Кроме того, краткий отчет об этой исторической встрече полон странными формулировками, вводящими читателя в заблуждение. Например, что во время встречи митрополит Сергей «довел до сведения» Председателя Совнаркома намерение созвать в ближайшее время Собор, избрать Патриарха Московского и всея Руси, а также Священный Синод. Зная о реалиях государственно-конфессиональных отношений того периода, можно утверждать, что подобное заявление митрополит Сергей без предварительного согласования с И.В. Сталиным сделать не мог. Известно, что большую работу по грядущей встрече провел митрополит Николай (Ярушевич), согласовавший с правительством все детали организации Собора до возвращения Сергея (Старгородского) в г. Москву из эвакуации в г. Ульяновске. Возможно, для своих современников журналисты пытались показать, что Церковь отделена от государства и может решать организационные вопросы самостоятельно.

Содержание ответного слова И.В. Сталина в статье сформулировано весьма неудачно и, на наш взгляд, разрушает представление об уведомительном характере выступления митрополита Сергея. Странно звучит фраза, что Председатель Совнаркома (И. Сталин) «сочувственно отнесся к этим предположениям». С одной стороны, «предположение» реализовалось уже спустя три дня – 8 сентября. С другой, неясно, какого рода «сочувствие» выразил вождь, пообещав, что «со стороны правительства не будет к этому препятствий» [36].

Информация ТАСС о «Соборе епископов» была, в отличие от предыдущей, опубликована внизу последней полосы «Красного Севера». В ней читателям кратко сообщалось об основных мероприятиях Архиерейского Собора от 8 сентября 1943 года: о единодушном избрании митрополита Сергея (Старгородского) Патриархом Московским и

всёя Руси, о единогласном принятии обращения к правительству СССР «с выражением благодарности за внимание к нуждам русской православной церкви» и о единогласном одобрении обращения к христианам всего мира для объединения усилий в борьбе против гитлеризма.

На заключительном этапе Собор сформировал Священный Синод из шести православных иерархов – двух митрополитов и четырех архиепископов, управлявших Ярославской, Красноярской, Куйбышевской и Горьковской епархиями [37].

Содержание и значение «конкордата», заключенного 4 сентября, в значительной мере проявляется в указанных решениях Собора. Церковь получила возможность воссоздания канонической системы управления – избрала Патриарха и Священный Синод. К сожалению, в изученной прессе не отражен комплекс мероприятий, реализованных уже к концу войны – возрождение епархий, массовое открытие приходов и духовных учебных заведений, начало издания «Журнала Московской Патриархии». В обмен на это РПЦ, по сути, обязалась перед лицом международного сообщества представлять государственно-церковные отношения в СССР исключительно в позитивном ключе (см. Обращение к правительству СССР, принятое Собором 1943 года). Кроме того, с этого времени началась широкая миротворческая деятельность Церкви, осуществляемая в интересах Советского государства. В 1943 г. объединение сил христианских церквей и деноминаций было направлено на решение важнейшей проблемы – разгрома фашизма. Эта общая цель для того времени представляется оправданной, поскольку отражала тогда интересы всего человечества.

Примечательным событием конца 1943 г. стала смерть Емельяна Ярославского – «старейшего деятеля большевистской партии, пламенного пропагандиста идей партии, самоотверженного борца за дело трудящихся». Его «Библия для верующих и неверующих» и руководящая работа в Союзе воинствующих безбожников (СВБ) хорошо известны многим поколениям советских атеистов. После его смерти на первой полосе «Красного Севера» опубликовали три некролога – от ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета РСФСР [38]. Позднее были напечатаны несколько развернутых статей – с его биографией, репортажами с похорон у Кремлевской стены с участием высшего партийного руководства (М.И. Калинина, С.М. Буденного, К.В. Ворошилова, А.И. Микояна, Л.М. Кагановича) [39, 40, 41]. Интересно, что антирелигиозная деятельность, прославившая «пламенного пропагандиста», ни в одном материале даже не упоминается. Сходная ситуация связана со смертью и похоронами в мае 1945 г. известного поэта, яркого пропагандиста-антирелигиозника Демьяна Бедного (Е.А. Придворова). В опубликованном некрологе интересующая нас сторона его деятельности также не отражена [42].

Несмотря на «потепление» государственно-церковных отношений, политика партии по отношению к религии по существу не изменилась, несколько утратив свой воинствующий характер. 27 сентября 1944 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительской пропаганды», где авторы старательно избегали даже упоминания об антирелигиозной деятельности [43]. В «Красном Севере» уже летом 1944 г. начинается публикация крупных статей по естественнонаучной тематике [44], которые с начала следующего года станут традиционными [45, 46, 47, 48]. В феврале 1945 г. появляется «передовица» общего характера, исключительно корректная по содержанию [49]. Такие публикации посвящались происхождению жизни на Земле, строению вселенной и необычным астрономическим явлениям. Все данные материалы излагаются в подчеркнуто-вежливой манере, не ущемляющей достоинства верующих. В них понятия «религия», «верующие», «церковь» просто отсутствуют. Авторы излагают научные концепции сквозь призму марксистской идеологии и науки, при этом противники научного мировоззрения ими прямо не указываются, но легко угадываются.

Иногда статьи и мероприятия предвещали будущие события, чтобы не вызвать «лишней шумихи» и роста религиозных настроений. Таковы материалы об ожидаемом 9 июля 1945 г. солнечном затмении [50, 51].

Судя по публикациям «Красного Севера», за весь военный период на территории Вологодской области не было прочитано ни одной лекции или проведено беседы атеистической направленности. Экспозиции музеев посвящались исключительно

патриотической тематике. В рубрике о деятельности прокуратуры отсутствуют материалы о репрессиях священнослужителей.

Заключение

Материалы изученного периодического издания, как мы увидели, далеко не в полной мере отражали события, происходящие в сфере государственно-конфессиональных отношений. До коренного перелома в войне, когда стоял вопрос о судьбе страны, антирелигиозная деятельность в СССР вообще утратила свою актуальность. Впоследствии позитивные изменения в отношении к Церкви и верующим на уровне высшего руководства страны привели к тому, что некоторые события церковной жизни нашли отражение на страницах региональной прессы. Однако параллельно в печати в деликатной форме идет наступление на антинаучное (то есть религиозное) мировоззрение как таковое, косвенно касающееся и его носителей.

Примечания:

1. Антирелигиозные беседы // Красный Север. 1940. 14 января. С. 3.
2. Власов В. Интерес трудящихся к антирелигиозной пропаганде // Красный Север. 1940. 4 февраля. С. 2.
3. Малков В. В Антирелигиозном музее // Красный Север. 1941. 9 апреля. С. 2.
4. Экспедиции антирелигиозного музея // Красный Север. 1941. 12 марта. С. 4.
5. Пополнение отделов музея // Красный Север. 1940. 12 апреля. С. 4.
6. Зайцев В. Райком партии не руководит работой агитаторов // Красный Север. 1940. 10 февраля. С. 2.
7. Федоров П. Оживить антирелигиозную работу // Красный Север. 1940. 4 дек. С. 2.
8. Афанасьев Г. Недооценивают антирелигиозную пропаганду // Красный Север. 1940. 11 июля. С. 2.
9. Дьяконов А. Больше внимания антирелигиозной пропаганде // Красный Север. 1940. 16 октября. С. 2.
10. Пушкин Н. Не ослаблять руководство антирелигиозной работой // Красный Север. 1941. 8 января. С. 2.
11. Пушкин Н. Забыли об антирелигиозной работе // Красный Север. 1941. 6 февраля. С. 2.
12. Зубков А.И. Антирелигиозная пропаганда – дело всей общественности // Красный Север. 1941. 9 мая. С. 2.
13. Калугина С. Антирелигиозная пропаганда в школе // Красный Север. 1940. 2 июля. С. 2.
14. Организовано провести выборы низовых органов СВБ // Красный Север. 1940. 24 октября. С. 2.
15. Антирелигиозная пропаганда – партийное дело // Красный Север. 1940. 19 декабря. С. 2.
16. Кондратьев Н. Подготовить квалифицированных антирелигиозников // Красный Север. 1940. 4 января. С. 2.
17. Кондратьев Н. Организовать учебу пропагандистов антирелигиозников // Красный Север. 1940. 23 мая. С. 3.
18. Повседневно вести антирелигиозную пропаганду // Красный Север. 1941. 15 марта. С. 1.
19. Усилить антирелигиозную пропаганду // Красный Север. 1941. 20 марта. С. 2.
20. Афанасьев Г. Недооценивают антирелигиозную пропаганду // Красный Север. 1940. 11 июля. С. 2.
21. Зайцев В. Райком партии не руководит работой агитаторов // Красный Север. 1940. 10 февраля. С. 2.
22. Лукин С. Антирелигиозная работа среди рабочих леса // Красный Север. 1941. 7 мая. С. 2.
23. Козлов А.И. Антирелигиозное воспитание в школе // Красный Север. 1941. 1 апреля. С. 2.

24. Величутин В. Против недооценки антирелигиозной работы // Красный Север. 1940. 24 ноября. С. 2.
25. Русская Православная Церковь. XX век / А.Л. Беглов, О.Ю. Васильева, А.В. Журавский и др. М., 2008. С. 300, 308.
26. Красный Север. 1942. 30 декабря. С. 1.
27. Танки и самолеты для Красной Армии // Красный Север. 1943. 6 января. С. 1.
28. Красный Север. 1944. 2 июля. С. 1.
29. Красный Север. 1945. 20 апреля. С. 1.
30. Русская Православная Церковь. XX век / А.Л. Беглов, О.Ю. Васильева, А.В. Журавский и др. М., 2008. С. 343.
31. Русская Православная Церковь. XX век / А.Л. Беглов, О.Ю. Васильева, А.В. Журавский и др. М., 2008. С. 322.
32. Красный Север. 1943. 7 января. С. 1.
33. Красный Север. 1943. 9 января. С. 1.
34. Красный Север. 1943. 10 ноября. С. 2.
35. Красный Север. 1945. 6 мая. С. 1.
36. Прием И.В. Сталиным Митрополита Сергия, Митрополита Алексия и Митрополита Николая // Красный Север. 1943. 5 сентября. С. 1.
37. Собор епископов православной церкви // Красный Север. 1943. 11 сентября. С. 2.
38. Красный Север. 1943. 6 декабря. С. 1.
39. Похороны Емельяна Михайловича Ярославского // Красный Север. 1943. 10 декабря. С. 1.
40. Старейший деятель большевистской партии Е.М. Ярославский // Красный Север. 1943. 7 декабря. С. 2.
41. У гроба Емельяна Михайловича Ярославского // Красный Север. 1943. 7 декабря. С. 2.
42. Красный Север. 1945. 27 мая. С. 1.
43. Русская Православная Церковь. XX век / А.Л. Беглов, О.Ю. Васильева, А.В. Журавский и др. М., 2008. С. 355–356.
44. Олещук Ф. О пропаганде научного мировоззрения // Красный Север. 1944. 19 июля. С. 2.
45. Бужлейников Ф. Земля и вселенная // Красный Север. 1945. 17 января. С. 2.
46. Воронцов-Вельяминов Б., проф. Было ли начало и будет ли конец мира? // Красный Север. 1945. 2 июня. С. 2.
47. Сергеев Ив. Необыкновенные небесные явления // Красный Север. 1945. 24 марта. С. 2.
48. Герасимов В. Как возникла жизнь на Земле // Красный Север. 1945. 6 января. С. 2.
49. Шире пропаганду естественно-научных знаний // Красный Север. 1945. 3 февраля. С. 1.
50. Бычков В. Отчего происходит затмение солнца // Красный Север. 1945. 3 июля. С. 2.
51. Гуслистова А. Беседы о солнечном затмении // Красный Север. 1945. 7 июля. С. 2.

References:

1. Antireligioznye besedy // Krasnyiy Sever. 1940. 14 yanvarya. S. 3.
2. Vlasov V. Interes trudyaschihsya k antireligioznoy propagande // Krasnyiy Sever. 1940. 4 fevralya. S. 2.
3. Malkov V. V Antireligioznom muzee // Krasnyiy Sever. 1941. 9 aprelya. S. 2.
4. Ekspeditsii antireligioznogo muzeya // Krasnyiy Sever. 1941. 12 marta. S. 4.
5. Popolnenie otdelov muzeya // Krasnyiy Sever. 1940. 12 aprelya. S. 4.
6. Zaytsev V. Raykom partii ne rukovodit rabotoy agitatorov // Krasnyiy Sever. 1940. 10 fevralya. S. 2.
7. Fedorov P. Ozhivit antireligioznuyu rabotu // Krasnyiy Sever. 1940. 4 dekabrya. S. 2.
8. Afanasev G. Nedootsenivayut antireligioznuyu propagandu // Krasnyiy Sever. 1940. 11 iyulya. S. 2.
9. Dyakonov A. Bolshe vnimaniya antireligioznoy propagande // Krasnyiy Sever. 1940. 16 oktyabrya. S. 2.

10. Pushkin N. Ne oslablyat rukovodstvo antireligioznoy rabotoy // Krasnyiy Sever. 1941. 8 yanvarya. S. 2.
11. Pushkin N. Zabyili ob antireligioznoy rabote // Krasnyiy Sever. 1941. 6 fevralya. S. 2.
12. Zubkov A.I. Antireligioznaya propaganda – delo vsey obschestvennosti // Krasnyiy Sever. 1941. 9 maya. S. 2.
13. Kalugina S. Antireligioznaya propaganda v shkole // Krasnyiy Sever. 1940. 2 iyulya. S. 2.
14. Organizovanno provesti vyiboryi nizovyih organov SVB // Krasnyiy Sever. 1940. 24 oktyabrya. S. 2.
15. Antireligioznaya propaganda – partiynoe delo // Krasnyiy Sever. 1940. 19 dekabrya. S. 2.
16. Kondratev N. Podgotovit kvalifitsirovannyih antireligioznikov // Krasnyiy Sever. 1940. 4 yanvarya. S. 2.
17. Kondratev N. Organizovat uchebu propagandistov antireligioznikov // Krasnyiy Sever. 1940. 23 maya. S. 3.
18. Povsednevno vesti antireligioznuyu propagandu // Krasnyiy Sever. 1941. 15 marta. S. 1.
19. Usilit antireligioznuyu propagandu // Krasnyiy Sever. 1941. 20 marta. S. 2.
20. Afanasev G. Nedootsenivayut antireligioznuyu propagandu // Krasnyiy Sever. 1940. 11 iyulya. S. 2.
21. Zaytsev V. Raykom partii ne rukovodit rabotoy agitatorov // Krasnyiy Sever. 1940. 10 fevralya. S. 2.
22. Lukin S. Antireligioznaya rabota sredi rabochih lesa // Krasnyiy Sever. 1941. 7 maya. S. 2.
23. Kozlov A.I. Antireligioznoe vospitanie v shkole // Krasnyiy Sever. 1941. 1 aprelya. S. 2.
24. Velichutin V. Protiv nedootsenki antireligioznoy raboty // Krasnyiy Sever. 1940. 24 noyabrya. S. 2.
25. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov. XX vek / Beglov A.L., Vasileva O.Yu., Zhuravskiy A.V. i dr. M., 2008. C. 300, 308.
26. Krasnyiy Sever. 1942. 30 dekabrya. S. 1.
27. Tanki i samoletyi dlya Krasnoy Armii // Krasnyiy Sever. 1943. 6 yanvarya. S. 1.
28. Krasnyiy Sever. 1944. 2 iyulya. S. 1.
29. Krasnyiy Sever. 1945. 20 aprelya. S. 1.
30. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov. XX vek / Beglov A.L., Vasileva O.Yu., Zhuravskiy A.V. i dr. M., 2008. C. 343.
31. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov. XX vek / Beglov A.L., Vasileva O.Yu., Zhuravskiy A.V. i dr. M., 2008. C. 322.
32. Krasnyiy Sever. 1943. 7 yanvarya. S. 1.
33. Krasnyiy Sever. 1943. 9 yanvarya. S. 1.
34. Krasnyiy Sever. 1943. 10 noyabrya. S. 2.
35. Krasnyiy Sever. 1945. 6 maya. S. 1.
36. Priem I.V. Stalinyim Mitropolita Sergiya, Mitropolita Aleksiya i Mitropolita Nikolaya // Krasnyiy Sever. 1943. 5 sentyabrya. S. 1.
37. Sobor episkopov pravoslavnoy tserkvi // Krasnyiy Sever. 1943. 11 sentyabrya. S. 2.
38. Krasnyiy Sever. 1943. 6 dekabrya. S. 1.
39. Pohoronyi Emelyana Mihaylovicha Yaroslavskogo // Krasnyiy Sever. 1943. 10 dekabrya. S. 1.
40. Stareyshiy deyatel bolshevistskoy partii E.M. Yaroslavskiy // Krasnyiy Sever. 1943. 7 dekabrya. S. 2.
41. U groba Emelyana Mihaylovicha Yaroslavskogo // Krasnyiy Sever. 1943. 7 dekabrya. S. 2.
42. Krasnyiy Sever. 1945. 27 maya. S. 1.
43. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov. HH vek / Beglov A.L., Vasileva O.Yu., Zhuravskiy A.V. i dr. M., 2008. C. 355–356.
44. Oleschuk F. O propagande nauchnogo mirovozzreniya // Krasnyiy Sever. 1944. 19 iyulya. S. 2.
45. Buzhleynikov F. Zemlya i vselennaya // Krasnyiy Sever. 1945. 17 yanvarya. C. 2.
46. Vorontsov-Velyaminov B., prof. Bylo li nachalo i budet li konets mira? // Krasnyiy Sever. 1945. 2 iyunya. C. 2.
47. Sergeev Iv. Neobyiknovennyye nebesnyie yavleniya // Krasnyiy Sever. 1945. 24 marta. C. 2.
48. Gerasimov V. Kak vznikla zhizn na Zemle // Krasnyiy Sever. 1945. 6 yanvarya. S. 2.

49. Shire propagandu estestvenno-nauchnyih znaniy // Krasnyiy Sever. 1945. 3 fevralya. S. 1.
50. Vyichkov V. Otchego proishodit zatmenie solntsa // Krasnyiy Sever. 1945. 3 iyulya. S. 2.
51. Guslistova A. Besedyi o solnechnom zatmenii // Krasnyiy Sever. 1945. 7 iyulya. S. 2.

УДК 94(47).084

**Советское государство и церковь в 1940–1945 годы
(по материалам газеты «Красный Север»)**

Олег Борисович Молодов

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Российская Федерация
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56 а
Кандидат исторических наук
E-mail: o_young8172@mail.ru

Аннотация

В статье сделана попытка анализа изменений государственной вероисповедной политики в 1940-1945 гг. На основе материалов вологодской областной газеты «Красный Север» проведено сплошное исследование публикаций, касающихся религии, верующих, религиозных объединений и атеистических мероприятий. Если накануне Великой Отечественной войны антирелигиозной деятельности уделялось существенное внимание, то с её началом это направление работы органов власти и общественных организаций утратило свою актуальность. После «коренного перелома» в ходе войны наступил период смягчения отношений к духовенству, верующим и их общинам, продолжавшийся до конца 1940-х гг.

Ключевые слова: государство; религия; церковь; верующие; атеизм; антирелигиозная пропаганда; Великая Отечественная война.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 11, No. 3, pp. 141-149, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94 (47)

The Social Policy of the Authorities in the Don Cossack Host during the Civil War

Olga V. Rvacheva

Volgograd branch RANHiGS, Russian Federation
PhD (History)
E-mail: olgarvacheva@mail.ru

Abstract

This article, based on archive materials and published documents, examines the activity of the Don authorities in the area of social relations and social support of the population of the Province of the Don Cossack Host during the Civil War. The author analyzes the reasons behind the conflict between the province's Cossack and non-Cossack population and the policy of Don ataman P.N. Krasnov and the government in respect of these social groups. The author also examines the achievements and failures of the Don authorities in terms of organizing and managing the social sphere amid the military conflict.

Keywords: Don Cossack Host; peasantry; non-Cossacks; Cossack authority; social policy; social conflicts.

Введение

Социальным аспектам существования антибольшевистских режимов периода Гражданской войны уделялось намного меньше внимания по сравнению с исследованиями военных и политических событий в антибольшевистском лагере. Задачей исследователей в советский период являлось, прежде всего, доказательство потенциальной обреченности таких режимов на проигрыш в противостоянии с советской властью.

В постсоветский период социальным и экономическим проблемам антибольшевистских режимов стали уделять больше внимания. Анализировалась связь экономических проблем с социальными конфликтами и политическими действиями властей, вопросы инструментальной эффективности власти и влияния на нее особенностей социального бытия населения [1]. В последнее время появились работы по исследованию повседневной жизни людей в условиях Гражданской войны [2].

Проблемы изучения социальной политики власти и вообще социальной сферы антибольшевистских режимов лежат, на наш взгляд, в нескольких областях. Первая – сфера источников. Дело здесь не только в сохранности и наличии документов, но и в том, что антибольшевистские власти решали, прежде всего, военно-политические задачи. Отсюда «добывание» фактов о жизни общества часто заключается во внимательном прочтении документов, относящихся к сугубо военной сфере, как например военные сводки и донесения. Вторая область проблем – тесное переплетение социальных, экономических и политических вопросов, когда, например, решение земельных проблем или сохранение

социальных привилегий казаков оказывали сильное воздействие на социальный мир в казачьих областях. И, наконец, третья область – время существования антибольшевистских режимов. Краткий период деятельности всех их затрудняет не только объективность оценки действий, но часто не позволяет даже провести историческую реконструкцию деятельности властей в социальной сфере, реакции населения и пр. Задача, которую поставил перед собой автор данной статьи, заключается в восстановлении картины социальных мероприятий власти казачьего государства в во время Гражданской войны.

Материалы и методы

В период Гражданской войны на юге России сложился антибольшевистский лагерь территориальной, военной и социальной базой которого стали казачьи войска. Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска не только поддержали антибольшевистское выступление Добровольческой армии, но и сформировали военно-политические режимы, важнейшими целями которых являлись борьба с большевиками и сохранение самостоятельности и обособленности казачьих территорий в новых политических условиях. Наиболее успешно и динамично развивающейся государственно-политической системой среди казачьих войск стало Донское войско, получившее в мае 1918 г. название «Всевеликое Войско Донское» (ВВД). 4(17) мая 1918 г. была принята первая редакция Основных законов, своеобразная конституция ВВД, в которой были сформированы основные принципы донской государственности. Созданному правительству – Совету Управляющих – предстояло решить массу вопросов, в том числе и по разработке системы действий в социальной сфере. Обязанности по решению социальных проблем были возложены на Отдел внутренних дел. Представленный управляющим этого отдела отчет на Большом войсковом круге, позволил оценить эффективность принятых мер и разработать проекты дальнейших действий.

Кроме этого, на социальные аспекты обращалось внимание и в ходе разработок военно-политических планов ВВД. К таким аспектам относилось нежелание казаков воевать за границами Войска Донского, желание сохранять свой привилегированный статус, реакция неказачьего населения на действия казачьей власти и казаков. Указы и распоряжения атамана и правительства, так или иначе затрагивавшие социальную сферу, формировали направление социальной политики, показывали населению отношение власти к разным социальным группам и вызывали их ответную реакцию.

Обсуждение и результаты

Политические и экономические процессы, происходившие в Донском войске в 1918 г., свидетельствовали об успехах управления и о том, что политический режим атамана П.Н. Краснова, первого атамана ВВД, поддерживало население. Однако если политические и экономические задачи были обширны и требовали значительных усилий, то в социальной сфере к этому добавлялась еще одна проблема – давний внутренний социальный конфликт между казачьим и крестьянско-иногородним населением Донской области. Социальный мир был необходим, но также необходимо было сохранить боевой дух казачества – главной военной силы ВВД, отстаивавшей, прежде всего, сохранение своих приоритетных прав военно-служилого сословия. Решение этой сложной дилеммы и стало важнейшей задачей власти в Донской области. Кроме этого необходимо было решать и такие социальные задачи как работа образовательных и медицинских учреждений, выплата социальных пособий нуждающимся семьям, выплата пособий по безработице, оказание материальной помощи разрушенным в результате военных действий хозяйствам жителей области и тому подобные текущие проблемы.

Конечно же, социальная политика в общем спектре задач Донского государства в 1918 г. имела характер подчиненный и второстепенный по отношению к задаче обороны области. И как уже было сказано, она фокусировалась на сохранении стабильности общественной системы. Камнем преткновения здесь являлись конфронтационные отношения казачьей и крестьянской групп населения.

Всевеликое Войско Донское было казачьей республикой. Попытки установления совместного с неказачьим населением управления Донской областью (формирование так

называемого «паритетного правительства», в котором казаки и неказики были представлены равным количеством членов) времен атамана А.М. Каледина канули в лету.

Первый, собравшийся после начала весной 1918 г. антибольшевистского восстания высший орган казачьего управления Войсковой Круг – Круг Спасения Дона состоял из представителей казачьих отрядов и освобожденных от большевиков станиц. Государственными атрибутами Донской республики стали: старинная печать и герб Донского войска, изображающий нагого донского казака верхом на бочке в папахе, при шашке и ружье, позже этот герб будет заменен также старинным казачьим гербом – еленем, пронзенным стрелой, гимном республики станет войсковая казачья песня «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон...» [3]. Только три цвета флага Донской республики напоминали о том, что на Дону живут казаки, русские (крестьяне) и калмыки. В «Основных законах» ВВД от 4(17) мая 1918 г. было положение «О правах и обязанностях казаков и граждан Всевеликого Войска Донского» [4]. Еще более явным казачий характер власти стал после созыва Большого Войскового Круга в августе 1918 г. Высшими органами власти и управления объявлялись Войсковой Круг, состоящий из казаков и атаманов, который избирался из казаков [5].

Сохранение привилегированного положения казачества приводило к формированию негативных тенденций в развитии взаимоотношений двух групп населения области, при ярко выраженном подчиненном положении одной из них, служило стимулом перехода политических симпатий крестьян к большевикам.

Разведсводки, рапорты и отчеты Осведомительного отдела ВВД в 1918 г. периодически доносили о переходе крестьян к большевикам в районах, близких к боевым действиям. Отношения с казачеством обострялись, что приводило к периодическим актам возмездия со стороны последнего, выражавшегося либо в ходатайстве о выселении сел-соседей, в свое время сотрудничавших с советской властью, либо в решениях о наложении на них контрибуции, вследствие приписываемых им разрушений, произведенных в казачьих станицах и хуторах. Так, атаман Черкасского округа докладывал войсковому атаману в августе 1918 г. о трениях между казаками и крестьянами ст. Кагальницкой по поводу розыска и отображения разграбленного крестьянами имущества казаков. Атаман отмечал, что казаки имели «...хотя не законную, но основательную причину поступать так, т.к. близ лежащие поселения иногородних...были яркими приверженцами советской власти, оказывали давление на казаков, принимали активное участие в рядах красной гвардии против казачества, сожжение и разграбление станицы казаки приписывают только этим селам, считают их вредными соседями, которые смирились только благодаря тому, что были побеждены» (*здесь и далее сохранена пунктуация и стилистика документа – О.Р.*) [6].

Иногда эта конфликтность выливалась в открытое противостояние, как это произошло в случае с жителями с. Койсуг, отказавшимся подчиниться казакам и в результате столкновения потерявшим убитыми и ранеными 47 чел. [7]. Сводки агентов Осведомительного отдела ВВД доносили информацию о периодическом обострении отношений между казаками и иногородними. Так, в одной из сводок говорилось, что рознь коснулась даже школы, где «ученики-казачата и учительница называли крестьянских детей красногвардейцами <...> (х. Солёный Заплавской станицы)» [8]. Подобные инциденты давали повод к распространению слухов о «поголовном ненавистном» отношении всех казаков ко всем крестьянам без разбора.

Часто фиксировалось недовольство крестьян своим земельным положением, казаки же, в свою очередь, противились изменению сложившегося положения, когда практически вся земля в области находилась во владении казаков. Так, агенты Осведомительного отдела доносили, что «...выясняются недоброжелательные взаимоотношения между казачьей и иногородней частью населения на почве проведения в жизнь земельного закона. Казачество привыкло считать землю Войска донского своей и находит несправедливым, то, что иногородние часто сочувствующие большевикам, получают равные наделы с казаками...» [9].

Приказ атамана от 25 июля 1918 г. был нацелен на успокоение крестьянского населения по поводу слухов о том, что «...казаки вместе с калмыками и татарами уничтожают в области все неказачье население и идут с той же целью войной на соседние губернии» [10]. Под влиянием подобных слухов крестьянское население начинало уходить

из пределов Войска и уничтожить свою собственность, дабы она не досталась неприятелю. Нерешенность проблемы крестьянского населения приводила к дальнейшим конфликтам их с властью и усилению давления властных структур на этот слой.

Политика атамана в отношении неказачьего населения отличалась систематическим урезанием их прав. При обмене военнопленными с Германией, в первую очередь, обменивались казаки; ходатайства же об освобождении военнопленных неказачьего происхождения временно оставались «без движения» [11]. Приказом от 3-го июня была ограничена свобода передвижения по Области иногороднего населения; въезд на территорию Войска разрешался только казакам, уроженцам Донской области. Приказом П.Н. Краснова от 30 июля (12 августа) 1918 г. определялся приоритет назначения на административные должности в ВВД в отношении казаков-офицеров перед офицерами неказачьего сословия. Атаман в приказе отмечал: «... я считаю себя нравственно обязанным такие должности предоставить, прежде всего, донским казачьими офицерам, как национальным представителям этого войска, пролившим кровь за свой родной Дон и потому приказываю в дальнейшем все административные должности в ВВД предоставлять только донским казачьим офицерам; оставаться на указанных должностях из офицеров неказачьего сословия могут только те, которые принимали активное участие в борьбе с красногвардейцами и признаны после этого из-за ранения не способными к строевой службе» [12].

Пытаясь дать казакам передышку на фронте, Краснов заменял их призывами крестьян и калмыков. Однако крестьянское население часто просто бойкотировало призыв. Например, крестьяне Донецкого округа отказались исполнять приказ атамана о формировании из иногороднего населения Черкасского, Донецкого и II-го Донского округов 3-х стрелковых полков, что, в свою очередь, повлекло за собой репрессии со стороны властей вплоть до массового выселения крестьян с семьями за пределы области с последующей конфискацией имущества [13]. Со стороны же неказачьего населения в ответ на силовую политику властей конфронтация также нарастала.

Иногда противодействие было столь сильным, что атаман сам отказывался от набора крестьян и иногородних в Донскую армию. В Таганрогском округе, например, из-за преобладания крестьянского населения были случаи массового дезертирства и злостной агитации. Некоторые были даже расстреляны, а призыв возрастов 18, 19, 20 лет прекращен с заменой военным налогом в 250 руб. с каждого отказавшегося [14]. Жители округа были предупреждены, что в следующий раз они будут лишены права на землю, а уже имеющуюся власти конфискуют с последующим выселением за пределы Области [15].

Конфликтные отношения Донской власти с неказачьим населением области сохранялись и в 1919 г. Причиной этому опять-таки являлся его отказ участвовать в боевых действиях на антибольшевистском фронте. Как следствие этого, сохранялись и принудительные меры воздействия власти ВВД на неказачье население, заключавшиеся в мобилизации семей дезертиров для исполнения трудовой повинности, лишения их гражданских прав и земельного надела, взятии на фронт следующих по возрасту мужчин из семей дезертиров, и, наконец, в контроле над хуторской и сельской администрацией на предмет укрывательства дезертиров [16].

Одной из мер, призванных снять социальное напряжение в области, должен был стать специальный закон о принятии в донские казаки и об исключении из казачьего сословия. Принятый в сентябре 1918 г. на Большом Войсковом Круге закон предусматривал принятие в казачество отдельных лиц, семей и даже волостных и сельских обществ [17]. Номинально это давало возможность получения земли на правах казаков, но одновременно возникали жесткие обязательства в отношении воинской службы. Практика показала, что в казаки принимали реже, чем исключали из них. В отчете управляющего Отделом внутренних дел говорилось, что с мая по август 1918 г. исключено из казачества было 1300 казаков, а принято «за активное участие в борьбе против красной гвардии и за общепользную деятельность на Дону» 1068 иногородних [18].

Ориентация власти на казачье население, с одной стороны, и попытка достижения общественного равенства, с другой, имели логическое объяснение и право на применение в реализации политического курса власти ВВД. В первом случае это давало власти сплоченную социальную базу. Во втором случае достигалась относительная стабильность в

обществе и промежуточная цель сведения к минимуму межсословных обид. Ни атаман П.Н. Краснов, ни атаман А.Ф. Богаевский никак не могли занять твердую позицию в этом вопросе, двигаясь в русле политики «шаг вперед, два шага назад». Власть то объявляла об отмене сословных привилегий и уравнивании в гражданских правах всего населения области, то вновь подвергала неказачье население жесткому надзору, граничившему с репрессиями.

Решения других социальных вопросов в ВВД, находящемся в состоянии постоянного ведения боевых действий, не были системными. Однако власти по мере возможности пытались реализовывать политику материальной помощи пострадавшим от военных действий. Так, например, была организована выплата различного рода материальной помощи казакам за реквизированное или утраченное имущество и лошадей. Выплата за лошадь составляла 500–550 руб. Дополнительно к ней прибавлялось 325 руб. за имущество, в зависимости от того, что именно было утрачено или реквизировано, начиная от 500 руб. по нисходящей за реквизированный велосипед до 27 руб. за личные вещи [19]. Правительство пыталось поддержать казачье население выдачей единовременных ссуд и различного рода вспомоществований пострадавшим от Гражданской войны. Пособие семьям мобилизованных казаков на 1919 г. должно было составить 30 000 руб. Однако оно не распространялось на молодых казаков, призванных в постоянную армию [20].

Выделялись средства округам, особенно пострадавшим в ходе боевых действий. Речь шла, прежде всего, о трех верхнедонских округах. Хоперский округ получил к августу 1918 г. 1 500 000 руб.; Усть-Медведицкий – 750 000 руб.; 2-ой Донской – 1 000 000 руб. и т.д. [21] Указанные суммы складывались в основном из подсчетов разрушений в том или ином округе за время боевых действий. Три указанных округа находились под контролем красных дольше других, и разрушения здесь были гораздо значительнее, чем по другим округам.

В больницы области, ведущей боевые действия, шел постоянный приток раненых. Для их размещения на довольствии военно-санитарного управления, курирующего эту сферу, находилось, по данным на начало 1919 г., 89 лазаретов [22]. Из них крупных было не более 33. Однако и это количество содержалось с трудом. Доклад по расходной смете военно-санитарного управления Войска Донского за 1918 г. показывает состояние лечебных заведений в Ростове-на-Дону и Новочеркасске. В первые месяцы налаживания медицинского обслуживания количество служащих и количество больных в некоторых лазаретах выражалось в соотношении 1:3, что естественно влекло за собой большие денежные затраты на жалование персоналу [23]. Небольшая выдержка из доклада по Военно-санитарному управлению дает представление о состоянии дел в военных госпиталях г. Ростова-на-Дону: «... В комнатах сестер адский холод, все 4 сестры в теплых пальто... В период отсутствия угля не топили даже в палатах для больных. Далее оказалось, что в тифозном отделении нет дежурного врача. В момент инспектирования госпиталь был на руках 4-х сестер, которые кажется, несут свою ... работу бесценно. Больных в отделении 150 человек ...» [24].

Для поддержания здравоохранения разрешено было открывать лазареты на средства станичных и иных обществ. В частности, открытием небольших больниц, приемных покоев и содержанием в них медицинского персонала занимались донские земства. Они поддерживали и народное образование, увеличивая жалование учителям и расходы на хозяйственные нужды [25]. В отчете управляющего Отделом внутренних дел, представленного им к августовской сессии 1918 г. Большого Войскового Круга, говорилось об увеличении окладов жалования земскому медицинскому персоналу, открытии нескольких новых фельдшерских пунктов в юртах станиц, увеличении кредитов на содержание земских лечебных заведений.

Задачи по народному образованию сводились к двум основным пунктам: выведению школ из состояния разрухи и открытию как можно большего количества учебных заведений. Первым распоряжением Отдела народного просвещения* стала отмена всех приказов советской власти и устранение изменений, введенных в жизнь школы декретами большевиков. Ко времени предоставления Отделом отчета о проделанной работе на

* Отдел народного просвещения, также как и Отдел торговли и промышленности выполняли функции министерств в системе исполнительной власти Всевеликого войска Донского.

Большой Войсковой Круг в августе 1918 г. в области открылось 1450 школ, 3 высших учебных заведения (Археологический институт, Кооперативный институт и Коммерческий институт), 14 гимназий и лицеев, 6 общеобразовательных курсов для взрослых [26]. При этом на государственные средства открывались только станичные и хуторские учебные заведения, в городах же школы содержались на частные средства.

Необходимость разработки законоположений по урегулированию и охране всех отраслей труда отмечалась еще Временным донским правительством. Его же постановлением от 3(15) мая 1918 г. вводился на предприятиях области 8-ми часовой рабочий день при 3-х сменной работе [27]. Впоследствии этими вопросами стал заниматься Отдел торговли и промышленности. В январе 1919 г. Отдел торговли предложил властям разработанные им положения по рабочему законодательству, предусматривающие в числе прочих мер установление 6-ти часового рабочего дня для малолетних, запрет на труд малолетних и женщин в ночное время, а также осуществление контроля над фактическим соблюдением 8-ми часового рабочего дня [28]. Кроме того, планировалось разработать правила о страховании рабочих от несчастных случаев. С января 1919 г. шла разработка Положения о биржах труда и страховании от безработицы. Возрастной ценз на получение пособия тут понижался до 14 лет [29]. Однако введенная система пособий по безработице имела и свою негативную сторону. Сумма пособия составляла 3 руб. в день на взрослого, 1 руб. 75 коп. на подростка до 16 лет и по 1 руб. на членов их семей. Таким образом, сумма пособия в месяц на неработающего взрослого составляла 90 руб. в месяц [30]. Для сравнения, пеший стражник окружной милиции Ростовского округа получал 100 руб. в месяц, а санитар в больнице – 40 руб. в месяц [31]. В результате отмечалась порочная практика записи в безработные для получения пособия, однако, как правило, работу искать такие безработные не хотели.

Выводы

В целом к середине 1918 г. в Донском войске смогли достаточно успешно (насколько это вообще возможно в условиях Гражданской войны) справиться со многими задачами социальной сферы. Отчет управляющего Отделом внутренних дел дает обстоятельную картину тех действий, которое проделало правительство, решая огромный спектр задач. В нем были представлены подробное описание работы почтовой службы, выявленные проблемы и проекты их решений; рассмотрено состояние богоугодных заведений (дома умалишенных, женские и мужские богадельни, сиропитательный дом, родильный приют). Было отмечено, что увеличены средства на их содержание. Представлены отчеты по состоянию ветеринарии, ремонту земских зданий, переселении казаков из станицы в станицу, образовании новых округов. Кроме этого были представлены отчеты по таким вопросам как зачисление в казачье сословие и исключение из него, о выселении иногородних, об организации станичной власти и судопроизводства [32].

Все эти меры позволили стабилизировать социальную обстановку на Дону, привлечь казачество и отчасти неказачье население на сторону власти ВВД. Сводки Донского Отдела осведомления, фиксировавшие настроения населения с мая по август 1918 г., говорят о политической активности казаков, поддержке ими своей власти. В отношении властей в сводках нередко встречались такие слова как «положительное», «доверчивое», «сочувственное», «устойчивое», свидетельствовавшие о приятии казачьих войсковых структур. Так, например, в ст. Мариинской и Константиновской I-го Донского округа в начале июня заявили, что «ждут помощи от Войска»; в ст. Скуришенской Усть-Медведецкого округа хотели скорейшего созыва Большого Круга; в ст. Есауловской II-го Донского округа в конце июня хуторские атаманы собрались для изучения текущих вопросов управления и законодательства ВВД; в ст. Елисаветовской Ростовского округа произвели выборы в состав окружного круга, а в ряде станиц Донецкого и хуторов Таганрогского округов констатировали успешность выборов своих депутатов на БВК [33].

Таким образом, по крайней мере, на период работы Большого Войскового Круга в августе-сентябре 1918 г. можно говорить о достаточно успешной политике донской власти в сфере социальной поддержке населения и социальной ориентации власти на казачество как основную военную силу Донской республики. Однако дальнейшие события показали, насколько сильно социальная политика зависела от военно-политических событий на юге

России. Военные неудачи, внутривластный кризис, связанный с уходом атамана П.Н. Краснова, пошатнули государственную стабильность ВВД. Последующие события, связанные с проигрышем антибольшевистских сил юга России и установлением советской власти показали насколько сильно социальный конфликт казаков и крестьян повлиял на последующее положение казачества в советской республике, когда из привилегированного сословия оно превратилось в социально-униженную группу.

Примечания:

1. Венков А.В. Донское казачество в гражданской войне (1918–1920). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1992, 128 с.; Всевеликое Войско Донское в 1918 году. Волгоград: Изд-во ВАГС, 1997. 158 с.; Зимица В.Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград: Изд-во ВАГС, 1997. 485 с.; Гражданская война на Юге России: новые подходы, открытия, находки. Материалы научной конференции в Челябинске 19–29 апреля 2002 г. Москва: «Посев», 2003. 170 с.; Почешхов Н.А. Социально-экономические и военно-политические проблемы в северо-западных районах Юга Европейской России в период Гражданской войны (1917–1921 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. 256 с. и др.
2. Хлынина Т.П. Страницы социальной истории советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг. Майкоп, 2005. 63 с.; Морозова О.М. Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д: изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 560 с.
3. Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. М., 1992. Т. 5. С. 194.
4. Там же.
5. Положение о Войсковом Круге от 24 августа 1918 г. // Донская летопись. Издание Донской исторической комиссии. Белград, 1923. № 1. С. 312.
6. Государственный архив Ростовской области (ГАРО) Ф. 46. Оп. 2. Д. 38. Л. 26.
7. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39456. Оп. 1. Д. 60. Л. 87.
8. ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 35. Л. 19.
9. Там же. Л. 8.
10. Там же. Д. 22. Л. 56.
11. Сборник узаконений и распоряжений правительства Всевеликого Войска Донского. Вып. 1–5. Новочеркасск, 1918. Вып. 2. С. 51.
12. ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 22. Л. 73.
13. Там же. Л. 111; Отчет Войсковому Кругу о работе отдела внутренних дел Всевеликого Войска Донского за время между сессиями 1-й и 2-й сессий Круга (сентябрь 1918–январь 1919 гг.). Б.м., Б.г. С. 37.; Сборник узаконений... Вып. 3–4. С. 171.
14. Сборник узаконений... Вып. 5. С. 378–379.
15. Там же. С. 379.
16. Государственный архив волгоградской области (ГАВО). Ф. 6611. Оп. 1. Д. 9. Л. 58.
17. Закон о принятии в донские казаки, об исключении из донского казачества и выселении из пределов Донского войска. Принят Большим Войсковым Кругом Всевеликого войска донского 19 сент. 1918 г. // Сборник законов, принятых Большим Войсковым Кругом Всевеликого Войска Донского 4-го созыва, в 1 сессию 15 авг. – 20 сент. 1918 г. Новочеркасск, 1918.
18. Отчет Войсковому Кругу о работе отдела внутренних дел... С. 36.
19. РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 255. Л. 1–2; Л. 21–30.
20. Отчет Войсковому Кругу о работе отдела внутренних дел... С. 45.
21. Там же.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 104. Оп. 1. Д. 36. Л. 106.
23. Там же. Л. 105.
24. Там же.
25. Отчет Войсковому Кругу о работе отдела внутренних дел... С. 29, 31–32.
26. Краткий доклад Большому Войсковому кругу Всевеликого Войска Донского. Отдел народного просвещения. Ч. I. Б.м., б.г. С. 5–6.
27. ГАРФ. Ф. 1257. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
28. Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 109. Л. 6 (а).

29. Приазовский Край. 1919. 4. (17) янв.
30. Там же.
31. ГАРФ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 36. Л. 106; Д. 33. Л. 10.
32. См.: Отчет Войсковому Кругу о работе отдела внутренних дел...
33. Восприятие власти антибольшевистского Дона в массовом сознании казачества (1918 г.) // Казачество России: история и современность. Тезисы Международной научной конференции. г. Геленджик 8–11 октября 2002 г. Краснодар: б.и., 2002. С. 79–81.

References:

1. Venkov A.V. Donskoe kazachestvo v grazhdanskoj voine (1918–1920). Rostov n/D: Izd-vo Rostov. un-ta, 1992, 128 s.; Vsevelikoe Voisko Donskoe v 1918 godu. Volgograd: Izd-vo VAGS, 1997. 158 s.; Zimina V.D. Beloe dvizhenie i rossiiskaya gosudarstvennost' v period Grazhdanskoj vojny. Volgograd: Izd-vo VAGS, 1997. 485 s.; Grazhdanskaya vojna na Yuge Rossii: novye podkhody, otkrytiya, nakhodki. Materialy nauchnoj konferentsii v Chelyabinske 19–29 aprelya 2002 g. Moskva: «Posev», 2003. 170 s.; Pocheshkhov N.A. Sotsial'no-ekonomicheskie i voenno-politicheskie problemy v severo-zapadnykh raionakh Yuga Evropejskoj Rossii v period Grazhdanskoj vojny (1917–1921 gg.). Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 2006. 256 s. i dr.
2. Khlynina T.P. Stranitsy sotsial'noi istorii sovetskoj Adygei: povsednevnyaya zhizn' naseleniya oblasti v 1920-e gg. Maikop, 2005. 63 s.; Morozova O.M. Antropologiya Grazhdanskoj vojny. Rostov n/D: izd-vo YuNTs RAN, 2012. 560 s.
3. Krasnov P.N. Vsevelikoe Voisko Donskoe // Arkhiv russkoj revolyutsii. M., 1992. T. 5. S. 194.
4. Tam zhe.
5. Polozhenie o Voiskovom Kruge ot 24 avgusta 1918 g. // Donskaya letopis'. Izdanie Donskoj istoricheskoi komissii. Belgrad, 1923. № 1. S. 312.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO) F. 46. Op. 2. D. 38. L. 26.
7. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA). F. 39456. Op. 1. D. 60. L. 87.
8. GARO. F. 46. Op. 2. D. 35. L. 19.
9. Tam zhe. L. 8.
10. Tam zhe. D. 22. L. 56.
11. Sbornik uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva Vsevelikogo Voiska Donskogo. Vyp. 1-5. Novocherkassk, 1918. Vyp. 2. S. 51.
12. GARO. F. 46. Op. 2. D. 22. L. 73.
13. Tam zhe. L. 111; Otchet Voiskovomu Krugu o rabote otdela vnutrennikh del Vsevelikogo Voiska Donskogo za vremya mezhdru sessiyami 1-i i 2-i sessii Kruga (sentyabr' 1918–yanvar' 1919 gg.). B.m., B.g. S. 37.; Sbornik uzakonenii... Vyp. 3-4. S. 171.
14. Sbornik uzakonenii... Vyp. 5. S. 378–379.
15. Tam zhe. S. 379.
16. Gosudarstvennyi arkhiv volgogradskoi oblasti (GAVO). F. 6611. Op. 1. D. 9. L. 58.
17. Zakon o prinyatii v donskie kazaki, ob iskluchenii iz donsogo kazachestva i vyselenii iz predelov Donskogo voiska. Prinyat Bol'shim Voiskovym Krugom Vsevelikogo voiska donsogo 19 sent. 1918 g. // Sbornik zakonov, prinyatykh Bol'shim Voiskovym Krugom Vsevelikogo Voiska Donskogo 4-go sozyva, v 1 sessiyu 15 avg. – 20 sent. 1918 g. Novocherkassk, 1918.
18. Otchet Voiskovomu Krugu o rabote otdela vnutrennikh del... S. 36.
19. RGVA. F. 39456. Op. 1. D. 255. L. 1–2; L. 21–30.
20. Otchet Voiskovomu Krugu o rabote otdela vnutrennikh del... S. 45.
21. Tam zhe.
22. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 104. Op. 1. D. 36. L. 106.
23. Tam zhe. L. 105.
24. Tam zhe.
25. Otchet Voiskovomu Krugu o rabote otdela vnutrennikh del... S. 29, 31–32.
26. Kratkii doklad Bol'shomu Voiskovomu krugu Vsevelikogo Voiska Donskogo. Otdel narodnogo prosveshcheniya. Ch. I. B.m., b.g. S. 5–6.
27. GARF. F. 1257. Op. 1. D. 1. L. 11.
28. Tam zhe. F. 104. Op. 1. D. 109. L. 6 (a).
29. Priazovskii Krai. 1919. 4. (17) yanv.

30. Tam zhe.
31. GARF. F. 104. Op. 1. D. 36. L. 106; D. 33. L. 10.
32. Sm.: Otchet Voiskovomu Krugu o rabote otдела vnutrennikh del...
33. Vospriyatie vlasti antibol'shevistskogo Dona v massovom soznanii kazachestva (1918 g.)
// Kazachestvo Rossii: istoriya i sovremennost'. Tezisy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.
g. Gelendzhik 8–11 oktyabrya 2002 g. Krasnodar: b.i., 2002. S. 79–81.

УДК 94 (47)

Социальная политика власти в Войске Донском в период Гражданской войны

Ольга Владимировна Рвачева

Волгоградский филиал РАНХиГС, Российская Федерация
Кандидат исторических наук
E-mail: olgarvacheva@mail.ru

Аннотация

В статье на основе архивного материала и опубликованных документов рассматривается деятельность донской власти в сфере социальных отношений и социального обеспечения населения Донской области в период Гражданской войны. Анализируются причины конфликта казачьего и неказачьего населения области, политика донского атамана П.Н. Краснова и правительства в отношении этих социальных групп. Также рассматриваются достижения и неудачи донских властей по организации и обустройству социальной сферы в условиях военного конфликта.

Ключевые слова: Всевеликое Войско Донское; донское казачество; крестьянство; иногородние; казачья власть; социальная политика; социальные конфликты.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 11, No. 3, pp. 150-160, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 39 (470.6)

The Subject of Fishing in the Traditional Legacy of the Nekrasov Cossacks

Nina A. Vlaskina

Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41 Chekhova Av., Rostov-on-Don, 344006
PhD (Philology), senior research fellow
E-mail: nvlaskina@gmail.com

Abstract

In this article, the author analyzes oral and written ethnographic and ethno-linguistic materials of the 19th-21st centuries on the traditional culture of the Nekrasov Cossacks. The author provides a characterization of the tradition's sections formed or transformed under the influence of fishing specialization.

The article examines one by one three thematic blocks: the organization of the daily and ceremonial life of the Nekrasov Cossacks, the content and form of translation of folklore texts, as well as the transformation of the tradition's elements associated with the peculiarities of fishing practice.

Keywords: Nekrasov Cossacks; fishery; traditional culture; folklore; ethno-cultural contacts.

Введение

В начале XVIII в., к моменту ухода казаков под предводительством Игната Некрасова с Дона, рыболовецкий промысел представлял собой основу хозяйственной деятельности жителей донской земли [1]. Обосновавшись в Турции, на озере Майнос, некрасовцы сохранили такой вид деятельности в качестве основного. В XIX в. это получает отражение в заметках путешественников. В. Иванов-Желудков, цитируя речь некрасовца, пишет: «Мы природные казаки, от казацкого корене идем, когда розмир (война), так мы на войну, а мир, так мы рыбалим» [2]. Через 100 лет, в 1960-е гг., собирая диалектную лексику казаков-некрасовцев, уже вернувшихся на родину, О.К. Сердюкова в качестве контекста к одному из слов фиксирует: «Мы только рыбальцы, и хлибаропствам занимались, рукамислоф ни было» [3]. Записи начала XXI в. также отражают высокий статус рыболовного промысла в структуре хозяйства общины: «Эта рыбаки, рыба – эта наша первая яда, эта да, рыбащку лавили, мы рыбаи тожа красныи были» [4]; «Рыба – эта наша первая блюда. Мы рыбаи питались» [5].

Промысловая специализация рассматриваемой этноконфессиональной группы оказывала существенное влияние на весь культурный комплекс некрасовцев. Целью настоящей статьи является выделение и характеристика разделов традиционной культуры, в которых это влияние прослеживается наиболее отчетливо.

Материалы и методы

Работа над темой предполагает анализ материалов разного типа. Это этнографические описания, сделанные путешественниками, посетившими некрасовскую общину в Турции в конце XIX – начале XX в., наблюдения и выводы исследователей некрасовской традиции, среди которых Ф.В. Тумилевич, О.К. Сердюкова, Т.Н. Абрамова, а также полевые записи сотрудников ЮНЦ РАН и ИСЭГИ ЮНЦ РАН (Н.А. Архипенко, Т.Ю. Власкиной, Н.А. Власкиной, Н.С. Поповой, С.А. Шестак), их коллег из Южного федерального университета (М.А. Карпун, И.Ю. Калиниченко, Н.В. Калиничевой) и НИЦ ТК ГБНТУ «Кубанский казачий хор» (А.И. Зудина), сделанные в ходе этнолингвистических экспедиций и экспедиционных выездов к некрасовцам, проживающим в настоящее время в Краснодарском крае (2007 г.) и Ставропольском крае (1997, 2010–2013 гг.).

Работа осуществлялась с применением общенаучных описательного и сравнительного и специального – этнолингвистического метода.

Обсуждения и результаты

Выбранный ракурс рассмотрения некрасовской традиции обусловил распределение материала между тремя крупными тематическими блоками. В первом из них обращается внимание на организацию повседневной и обрядовой жизни некрасовских казаков, сложившуюся под влиянием промысловой деятельности, во втором – на содержание и формы трансляции фольклорных текстов и, наконец, в третьем – на трансформацию элементов традиции, обусловленную особенностями рыболовецкой практики. Рассмотрим последовательно каждый из названных блоков.

Рыболовный промысел и регламентация жизни общины. Важным свойством данного типа хозяйствования было то, что промысел «консервировал», «закреплял» демократические принципы общины, представление о равенстве всех казаков сохранялось вплоть до первой половины XX в. Это находило отражение в распределении функций в рыболовецкой ватаге и способах дележа улова, которые в подробностях описывают все авторы, так или иначе касавшиеся в своих работах промысловой деятельности некрасовцев, а также некоторые наши респонденты: «У меня бабушка, Агафея Агапавна, я кагда спрашивала у неё, ана гаварила, што ... тагда была большы справидливасти. Тагда ани пришли с рыбалки, первае – што, значит, адну третью ани аддают ф казну и ф первую очирить ани делят па сиратам – по сиратам, каторыи ни могут сами sibя абиспечить. А уже астафшуюся часть дабычи ани делят между сабой» [6]. «Патом начинают ани ету жы, рыбу дуванить. Сколькя привязуть ани в лотащкы, патом нескалькя щилавег жы, ани как артель иха, сколькя. И вот ани параскладуть каждому и патом дуванють, и ета мая, ета твая, ета твая, ета щей, ета вот щей, эта щей, эта вот щей. А патом бярёш и нясёш дамонь. (Соб.: Так это чей, это вот чей – это как? Не глядя? Не смотрят?) Да, да, ня глядя, штоба, а то скажыть: “А туд большы, а тут меньшы”, штоба каму какая дасталась пай, как вот» [7].

Распределение социальных ролей в общине во многом проходило под влиянием рыболовецких нужд. Во-первых, происходило выделение сферы мужских сообществ, в которых осуществлялась социализация молодых людей, с 13–15-летнего возраста становившихся членами рыболовецких ватаг. К примеру, рассказывая о судьбе одного из своих информантов, Ф.В. Тумилевич пишет: «После смерти матери до 15-летнего возраста Петрушин Тимофей Кириллович жил на попечении казачьего круга, а потом был принят в рыболовецкую артель (ватагу)» [8].

Во-вторых, ритм работы мужчин отражался на жизни и остальных членов семьи. Когда мужья были дома, женщины и дети помогали мужчинам в починке снастей, занимались обработкой выловленной рыбы: «Муцины сети вязуть, а жэны памагають, тожа плятуть» [9]; «Радитиль сети вязал, а мы щилнаки матали иму, глицы-те ети» [10]; «Я тожа хадила работать, казацкы рыпку лавили, а мы пластали, жэны, ссылали» [11].

Длительное отсутствие мужчин обуславливало тот факт, что, как и на Дону уже после отъезда некрасовцев [12], на Майносе значительную часть работы по хозяйству выполняли женщины. Ф.В. Тумилевич отмечает, что мужское население считалось с мнением некрасовок, поскольку «женщина на своих плечах несла всю тяжесть домашней жизни и хозяйства. Муж уходил на заработки (на рыбную ловлю) на 8–9 месяцев в году. Женщина

дома оставалась полной хозяйкой» [13]. Тема гендерных ролей поднимается и в интервью с носителями традиции в таких контекстах, как характеристика весенних полевых работ, непредсказуемость результатов лова. «Т.Е.: Мы сами-та пасеф инагда сеили, сами, хто чира ка нанимали, этава, турка, наймёш, да, турка, а он сеял. Н.Е.: Кидать пшыничку-та. Т.Е.: Кидали, и сами сеили женщины» [14]. «Нашы тока на рыбалку глядели, да вот сюдава заглядывали да бегали, ад баб убягали, па-русски сказать. Па шесть, па семь месяцев на мори где-та плаваиш, на озири, валну считаиш, а придёш, па-русски сказать, па правди, када-та заработаиш, а када-та и бис штаноф придёш, баба апать тибя кормить, есть, нету, варить щё, нищё, и пьёш же и йиш. А так, штоб вот эта вот страитильствам заняца, жыватнавоцтвам заняца там, чё-та выкармить, чё-та да прадаць яё, нет, эта дела панятия ни знали» [15].

Как видно, рыболовный промысел особым образом организовывал **ритм жизни общины**. Сроки выездного лова определяли специфическое внутриобщинное разделение календарного года на 2 больших периода: зимний и летний. В более ранних источниках их границы определялись церковными праздниками: рыбу ловили от осеннего Димитрия [16], Успеньева дня [17] или Воздвижения [18] до весеннего Георгия [19], до Пасхи [20]. В рассказах о рыбалке середины XX в. деление на 2 периода сохраняется, но границы их называются уже исходя из турецкого законодательства: «Значить, мы ухадиле на рыбалку – сентябры первава мы уже начинаица, азёра аткрываюца там. ... Первава сентябры. Патаму шта заприщаица гусударствам пятнацтава апреля икрамёт начинаица в Турсии. Икру если рыба метаить, фсё, азёра закрывають. Рыба, ана да первава сентябры растёт, гаварица, малышы эта» [21]. Лето, когда мужское население находилось дома, было временем решения важных для общины вопросов. Именно летом собирали «круг» для выбора атамана и решения общественных дел [22], играли свадьбы [23], занимались полевыми работами.

Сложился особый ритуал проводов казаков на рыбалку и последующей встречи. Приведем наиболее характерные описания.

«Когда казаки уходили на рыбальство, их провожала вся станица. Наперед несли знамя Игната, потом шли старики, матеря, жены, дети, невесты. Прощались с нами, рыбаками, как со служивыми. Никто не мог знать, возвратимся ли живыми, застанем ли дома, когда придем, всех близких. Провожали на девять месяцев в незнакомую страну, плакали» [24].

«Недели за две до окончания рыбного лова ватага посылала своего посла с вестью на Майнос, который сообщал о дне возвращения артели. Все рыбаки собирались в назначенный день в городе Бандерма. С Майноса приходили подводы для перевозки снастей, лодок, казаков. На подступах к Майносу рыбаков встречал атаман, старики, женщины. Встречали со знаменем Игната, стрельбой из ружей и пушечным салютом» [25].

«Ани приижжали, вирнее, прихадиле с рыбалки, нет такова слова: приижжали, гаварили фсигда: “прихадиле с рыбалки”, “нашы придут с рыбалки”. И ф старину, каг бабушки рассказывають, их встричали – с пушки стреляли, с флагам фстричали» [26].

«Возвращение казаков в село было большим праздником: задолго до предполагаемого возвращения за село высылали дозорных, которые, завидя подводы с рыбаками, бежали по улице села и кричали: “Дорожные едут!” Когда подводы въезжали в село, старики-казаки стреляли в воздух» [27].

Наконец, рыболовецкая деятельность инициирует возникновение и функционирование специфических обрядовых практик, в частности, распространенность оброков святым: «Хадиле па морям в лотачках... бох помащ табе... Хто ни хадил, тот абрёках ни нёс, а хто хадил, тот абрякалси, и свечичку зажгу какому святому» [28].

Влияние рыболовного промысла на репертуар и сферу исполнения фольклорных текстов. Благодаря высокому статусу рыбной ловли в повседневности некрасовцев, в корпусе легенд и народных знаний происходит актуализация сюжетов о рыбах [29], в нарративах она называется святой: «Фсю, и с чишуйей, и без чишуи ели. Фсе гаварили: святая рыба. Святая рыбацка» [30]. «Любая рыбка святая. Патаму шта Бох рыбащил. Бох рыбащил. Да ищё и нарыбащил... Пашли на рыбалку и нищаво и ни паймали, а Он: “Кинтя тут сети”. Ани кинули: тута нет нищаво. “Кинтя тут”. Да кинули и рыбы сколька налавиле. А Он наварил уши, Гаспоть сам: “Идитя абедайтя! Идитя абедайтя!” А я бабам гаварю: “Пашлити абедать, Бох наварил!”» [31]. В одном из вариантов легенды о ковчеге

таранка головой затыкает в нем дыру [32]. В легендарном репертуаре появляется оригинальный сюжет о святых-рыбаках Петре и Павле, просивших Бога установить пост, чтобы люди покупали у них рыбу [33].

Бытует представление о параллелизме подводного и надводного миров: о том, что все твари, существующие на земле, есть и под водой (конь – морской конек и т.д.).

В мифологической прозе появляется сюжет о том, как нечистый душит человека во время рыбалки [34].

Ф.В. Тумилевич отмечает насыщение некрасовских вариантов русских сказочных сюжетов бытовыми деталями, «поэтому не только в бытовых и новеллистических сказках, но и в сказках о животных, в волшебных героем является рыбак, охотник или их сыновья и дочери» [35].

Кроме того, сама ситуация рыбалки становится типичной для передачи сказительского опыта. Ф.В. Тумилевич, приводя фрагмент биографии одного из своих собеседников, отмечает: «С детских лет Тимофей Кириллович перенял сказки от стариков-рыбаков. По его словам, рыбаки во время отдыха любили слушать и рассказывать сказки: “Бывало, выйдем на берег, соберемся около шалаша и сидим до полуночи, а старики рассказывают про Игната, как он из России ушел о жизни в старину, а потом и сказки начинали гутарить”» [36].

Возникают специфические слабо формализованные нарративы об опасности рыбного лова и об этнических чужих, отмечающих удаль некрасовцев: «Лотачки наши нибальшыи, семь метрах длинины, пьлтары метры шырина, мы па марях бегали, турки называли “смёртная карыта”» [37]. «Мы свайми лотачками пирьплывали Мрамарская моря, и в Дарданель плавали; турки называли смёртная карыта» [38]. «Мрамарская моря пирьплывали, па Чёрнаму плыли на лотачках. Люди тарапём становяцца, пасажыры увидили нас на лотачках – удивления» [39]. «Шла судна двухмачтовая – как мартишки мы плывём – птичина мартин, – ани вижуть, што мы пад них патплываем, фсе матросы шапками мапуть» [40].

Этнокультурные контакты как результат промысловой деятельности некрасовцев. Отличительной особенностью промысловой деятельности некрасовцев был выездной лов. По свидетельству В. Иванова-Желудкова, практически все взрослое население общины на полгода уезжало на рыбалку «в устья Дуная, в Трапезунт, в Солунь, в Смирну» [41]. Яков Смирнов пишет о том, что «майносы знали и южные озера Малой Азии и ходили туда рыбачить, как хаживали и на Кизыл Ирмак» [42]. Ф.В. Тумилевич указывает, что некрасовцы «ловили рыбу в Мраморном, Черном, Эгейском, Средиземном морях и в озерах Турции» [43]. Хотя заветы Игната запрещали некрасовцам смешиваться с неславянским населением, однако регулярное нахождение за пределами общины открывало широкие возможности для этнокультурных контактов, последствия которых фиксируются в нескольких разделах культуры. Одним из них является комплекс **одежды**: под влиянием извне произошла ранняя замена мужского традиционного костюма (бешмета, портков, вышитой рубахи) на городской (пиджак, рубаху, брюки и шляпу), в то время как женский традиционный костюм оказался более устойчивым [44].

Значительные изменения произошли **в языковой сфере**. Некрасовцы, продававшие выловленную рыбу в разных странах, должны были в той или иной мере овладевать языком этнических групп, с которыми торговые контакты были наиболее интенсивными. Ф.В. Тумилевич, характеризуя своих информантов 1860–1900-х гг. рождения, писал: «О нем <Г.Е. Морозове> говорят: “Это бывалый человек”. И действительно, он бывал во всех балканских странах, Турции и владел румынским, греческим, турецким и болгарским языками» [45]; «Семен Фотиевич Шашкин свободно владел латынью, говорил по-арабски, по-турецки, знал греческий, болгарский, грузинский языки» [46].

Наиболее тесными, безусловно, были контакты некрасовцев с турками, на земле которых они жили, греками (благодаря торговым связям), румынами (с которыми контакты были наиболее тесными в период пребывания некрасовцев в дельте Дуная [47], но не прекращались и позднее). Результатом этого стало проникновение заимствований из турецкого, а также греческого и румынского языков в разные тематические группы говора. Не является исключением и лексика, обслуживающая сферу рыболовства. В этой группе наибольшее число заимствований обнаруживается среди названий морских рыб (8 слов из

14), где 7 слов являются заимствованиями из турецкого языка, 1 – из греческого. Это такие наименования, как *илан* ‘угорь’ (тур. *ulanbalığı*) [48], *урина* ‘рыба из породы скатов, морской волк’ (греч. *ερίνυς*) [49], *калкан* ‘камбала’ (тур. *kalkanbalığı*) [50], *кирпик* ‘окунь’ (тур. *kirpi balığı*) [51], *лаврак* ‘морской окунь’ (тур. *levrek*) [52], *субя* ‘каракатица’ (тур. *sübye*) [53], *турик* ‘тунец’ (тур. *torik*) [54], *чирус* ‘мелкая скумбрия’ (греч. *τοίρος*) [55]. Появление заимствований в этой группе слов могло объясняться изменением объектов промысла в сравнении с русскими территориями. Большая часть заимствованных лексем – это названия рыб, не характерных для Азовского бассейна.

Вторая по массовости группа заимствований в рамках рыболовецкой лексики – это слова, обозначающие детали лодок: *габия* ‘квадратный парус’ (тур. *aba* [56]), *гундерь* (тур. *gönder* [57]) ‘часть парусного устройства в лодке, распор’, *дюмень* ‘руль в лодке’ (тур. *dümen* [58]), *зарзават* ‘вспомогательная лодка’ (возможно, от *zevтак* ‘лодочка, челнок’ т.к. *zerzevat* ‘зелень, овощи’ [59]), *макара* ‘приспособления для подъема паруса’ (тур. *makára* [60]), *машанба* ‘промасленный брезентовый щит’ (тур. *muşamba*) [61]; *обла* ‘снасть для управления парусами’ (тур. *habl* [62]); *санда* ‘основная лодка при ловле рыбы неводом’ (тур. *sandal* [63]).

Мотивировка возникновения заимствований в этой группе, по всей видимости, отличается от упомянутой выше. Я. Смирнов указывает, что казаки делали лодки сами, а турки покупали их у казаков [64]. В то же время материалы О.К. Сердюковой свидетельствуют о том, что в XX в. некрасовцы могли использовать как собственные снасти и лодки, так и брать их в аренду у турок [65]. В любом случае можно утверждать, что оснастка лодок была постоянным предметом обсуждения между некрасовцами и турками.

Контактное проживание в Турции с липованами привело к возникновению в некрасовской рыболовецкой лексике синонимических рядов, в которых одно слово некрасовцы характеризуют как свое, а другое (другие) – как липованское, «дунацкое»: «Матула – дунаки называли, наша – неват» [66]; «Сети вязали, бумажная нитка, чалнок – игличка па-дунацки» [67].

Продолжительное нахождение некрасовских рыбаков за пределами общины открывало возможность не только для языковых контактов, но и для **решения ряда вопросов, которые не могли быть решены в пределах самой общины**: например, «с рыбальства» могли привезти священника. В. Иванов-Желудков пишет: «Некрасовцы пронюхали, что в Трапезунде есть русский поп и сманили его к себе» [68]. Материал этнолингвистических экспедиций свидетельствует, что некрасовцы во время рыбалки могли знакомиться с девушками из липованской общины и впоследствии жениться на них: «А на рыбалофства на озера хадили и там папазнакомилися. Ани христиани жы, а ни мусульмани. Паетаму. Толька пазнакомились – смотриш, девушку привёс. Дуня наша, Илюшка наш, тётка Марьюшка аттуда» [69].

Длительное отсутствие мужчин дома порождало определенные бытовые трудности, касающиеся взаимодействия с контактно проживающим иноэтническим населением: «Хърашо жыли?! Какая хърашения? Там ад грекаф тапарами замыкалися, муцины уйдуть, а мы астаёмси гальнии жоны» [70].

Выводы

Рассмотрение элементов комплекса традиционной культуры казаков-некрасовцев через призму промысловой деятельности позволило сделать некоторые выводы, касающиеся типологии традиции, культурной динамики и межэтнических контактов.

В социальной организации общины отмечено усиление роли женщины в выполнении хозяйственных работ, функционирование промысловой деятельности как канала передачи традиционного опыта и социализации молодежи.

В фольклоре наибольшее влияние типа хозяйствования наблюдается в сфере народной аксиологии. Происходит актуализация статуса рыбака, введение в восточнославянский по происхождению репертуар сюжетных элементов, в которых фигурируют образы рыбы и рыбаков.

В обрядовой сфере промысел обуславливает временную приуроченность отдельных ритуалов (свадьбы) и ритуальное оформление проводов на рыбалку и встречи с нею.

Расширение сферы этнокультурных контактов в результате выездного лова стало причиной проникновения заимствований в некрасовскую речь и изменений в комплексе мужской одежды.

Наряду с закономерностями трансформации культуры, специфичными для данной этноконфессиональной группы, можно выделить и практики, характерные для более широкого круга рыболовецких сообществ. Среди них – рыбацкие обеты святым, описанные также на донском материале [71]; обычай разделения улова на равные части, существовавший также у гребенских казаков [72].

Предметом дальнейших исследований выступает более детальное выявление промысловой символики и семантики в каждом из обрядовых комплексов, в текстах разных фольклорных жанров.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках работы над проектом «Историческая динамика традиционной культуры казаков-некрасовцев» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Примечания:

1. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1998. 510 с.

2. Иванов-Желудков В. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63. С. 420.

3. Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 2005. С. 249.

4. Респондент: Беликова Ирина Абрамовна, 1941 г.р. Интервьюеры: Н.А. Архипенко, Н.А. Власкина. Место проведения: пос. Новокумский Левокумского района Ставропольского края. Продолжительность: 97 мин. Запись 2 мая 2010 г. // Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций ИСЭГИ ЮНЦ РАН (далее – ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН). Здесь и далее цитаты из полевых материалов приводятся в орфографии с передачей отдельных фонетических особенностей говора.

5. Респондент: Шкодрина Галина Дмитриевна, 1950 г.р. Интервьюеры: Н.А. Власкина, Л.Н. Успенская. Место проведения: пос. Новокумский Левокумского района Ставропольского края. Продолжительность: 134 мин. Запись 26 августа 2010 г. // Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций ИСЭГИ ЮНЦ РАН (далее – ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН).

6. Респондент: Миронова Агафья Васильевна, 1953(55) г.р. Интервьюеры: Н.А. Архипенко, Т.Ю. Власкина, Н.А. Власкина, А.И. Зудин, Н.С. Попова, Л.Н. Успенская. Место проведения: пос. Новокумский Левокумского района Ставропольского края. Продолжительность: 63 мин. Запись 30 апреля 2010 г. // ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

7. Респондент: Беликова Ирина Абрамовна, 1941 г.р. Интервьюеры: Н.А. Власкина, Н.А. Архипенко. Место проведения: пос. Новокумский Левокумского района Ставропольского края. Продолжительность: 52 мин. Запись 4 мая 2010 г. // ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

8. Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Собраны Ф.В. Тумилевичем. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1958. С. 236.

9. Сердюкова О.К. Указ. соч. С. 49.

10. Там же. С. 52.

11. Там же. С. 95.

12. Власкина Т.Ю. Казачья жена: событийность и повседневность в документах личного происхождения (Первый Донской округ, начало XX в.) // Социальная история. Ежегодник. 2012 / под ред. Н.Л. Пушкаревой. СПб.: Алетейя, 2013. С. 18.

13. Тумилевич Ф.В. Хранители песен казаков-некрасовцев // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сборник статей / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 213.

14. Респонденты: Елисютикова Татьяна Тимофеевна, 1934 г.р., Елисютиков Нифантий Федорович, 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Ю. Власкина, Н.А. Власкина. Место проведения: пос.

Новокумский Левокумского района Ставропольского края. Продолжительность: 72 мин. Запись 3 мая 2010 г. // ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

15. Респондент: Пушечкин Яков Федотьевич, 1933 г.р. Интервьюеры: Л.Н. Успенская, Н.С. Попова. Место проведения: пос. Новокумский Левокумского района Ставропольского края. Продолжительность: 401 мин. Запись: 2 мая 2010 г. // ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

16. Иванов-Желудков В. Указ. соч. С. 447–448.

17. Русские народные сказки казаков-некрасовцев ... С. 236.

18. Смирнов Я.И. Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада, на Бешеирском озере, Гамид-Абадского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. № 1. С. 18.

19. Иванов-Желудков В. Указ. соч. С. 447–448.

20. Смирнов Я. Указ. соч. С. 18; Русские народные сказки казаков-некрасовцев ... С. 236.

21. Респондент: Бандеровский Никон Иосифович, 1940 г.р. Интервьюер: Н.А. Власкина. Место проведения: пос. Малосадовый Левокумского района Ставропольского края. Продолжительность: 101 мин. Запись 30 августа 2010 г. // ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

22. Смирнов Я. Указ. соч. С. 18.

23. Тумилевич Ф.В. Свадебный обряд у казаков-некрасовцев // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура ... С. 37.

24. Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1961. С. 226.

25. Тумилевич Ф.В. Сказки казаков-некрасовцев // Русские народные сказки казаков-некрасовцев ... С. 14.

26. Респондент: Миронова Агафья Васильевна.

27. Абрамова Т. Бытовая культура казаков-некрасовцев конца XIX – начала XX в. (по материалам этнографической экспедиции Ростовского областного музея краеведения 1984 г.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов н/Д: Книжное издательство, 1988. С. 78.

28. Там же. С. 168.

29. Зудин А.И. Легенды некрасовских казаков // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура ... С. 346.

30. Респондент: Гулина Елена Кондратьевна, 1950 г.р. Интервьюеры: Т.Ю. Власкина, А.И. Зудин. Место проведения: пос. Новокумский Левокумского района Ставропольского края. Продолжительность: 146 мин. Запись 1 мая 2010 г. // ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

31. Респондент: Ялуплина Мария Епифановна, 1934 г.р. Интервьюеры: Т.Ю. Власкина, А.И. Зудин. Место проведения: пос. Новокумский Левокумского района Ставропольского края. Продолжительность: 70 мин. Запись 6 мая 2010 г. // ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

32. Там же.

33. Зудин А.И. Указ. соч. С. 345.

34. Респондент: Пушечкин Яков Федотьевич.

35. Тумилевич Ф.В. Сказки казаков-некрасовцев ... С. 36.

36. Русские народные сказки казаков-некрасовцев ... С. 236.

37. Сердюкова О.К. Указ. соч. С. 267.

38. Там же. С. 136.

39. Там же. С. 290.

40. Там же. С. 140.

41. Иванов-Желудков В. Указ. соч. С. 447–448.

42. Смирнов Я.И. Указ. соч. С. 13.

43. Тумилевич Ф.В. Сказки казаков-некрасовцев ... С. 13–14.

44. Жукова Л.М., Бандурина С.А. Одежда казаков-некрасовцев // Донской народный костюм: О создании сценического костюма на основе донской народной одежды. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1986. С. 54–63.

45. Русские народные сказки казаков-некрасовцев... С. 235.

46. Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... С. 244.

47. Луцулеску. Русская колония в Добрудже // Киевская старина. 1889. № 1–2. С. 314–315, 332; Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. К истории антифеодального движения на Дону и Кубани // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура ... С. 23–24.

48. Сердюкова О.К. Указ. соч. С. 91; Турецко-русский словарь. 48 000 слов / под ред. Э.М.-Э. Мустафаева и Л.Н. Старостова. М.: Русский язык, 1977. 967 с.
49. Сердюкова О.К. Указ. соч. С. 92; Хориков И.П., Малев М.Г. Новогреческо-русский словарь: Около 67 000 слов / под ред. П. Пердикиса и Т. Пападопулоса. М.: Русский язык, 1980. С. 350.
50. Сердюкова О.К. Указ соч. С. 96; Турецко-русский словарь ... С. 501.
51. Сердюкова О.К. Указ. соч. С. 102; Турецко-русский словарь ... С. 553.
52. Сердюкова О.К. Указ. соч. С. 128; Турецко-русский словарь ... С. 588.
53. Сердюкова О.К. Указ. соч. С. 279; Турецко-русский словарь ... С. 796.
54. Сердюкова О.К. Указ. соч. С. 293; Турецко-русский словарь ... С. 867.
55. Сердюкова О.К. Указ. соч. С. 311; Хориков И.П., Малев М.Г. Указ. соч. С. 761.
56. Турецко-русский словарь ... С. 19; Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин. Вып. 6. Л.: Наука, 1970. С. 82.
57. Турецко-русский словарь ... С. 345.
58. Там же. С. 253.
59. Там же. С. 946, 945.
60. Турецко-русский словарь ... С. 598; Сердюкова О.К. Указ. соч. С. 139.
61. Турецко-русский словарь ... С. 644; Сердюкова О.К. Указ. соч. с. 141.
62. Турецко-русский словарь ... С. 372.
63. Там же. С. 750.
64. Смирнов Я. Указ. соч. С. 5.
65. Сердюкова О.К. Указ. соч. С. 222–223.
66. Сердюкова О.К. Указ. соч. С. 141.
67. Там же. С. 89.
68. Иванов-Желудков В. Указ. соч. С. 450
69. Респондент: Гулина Елена Кондратьевна.
70. Сердюкова О.К. Указ. соч. С. 304.
71. Власкина Т.Ю. Некоторые аспекты религиозности жителей х. Донского, бывшего Государева // Конфессиональные факторы в истории и культуре славянских народов и их соседей: материалы международной научно-практической конференции. Краснодар: КубГУ, 2012. С. 203.
72. Великая Н.Н. О роли рыболовства у гребенских казаков в дореволюционный период // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 33.

References:

1. Mininkov N.A. Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.). Rostov n/D: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1998. 510 s.
2. Ivanov-Zheludkov V. Russkoe selo v Maloi Azii // Russkii vestnik. 1866. T. 63. S. 420.
3. Serdyukova O.K. Slovar' govora kazakov-nekrasovtsev. Rostov n/D: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2005. S. 249.
4. Respondent: Belikova Irina Abramovna, 1941 g.r. Interv'yuary: N.A. Arkhipenko, N.A. Vlaskina. Mesto provedeniya: pos. Novokumskii Levokumskogo raiona Stavropol'skogo kraja. Prodolzhitel'nost': 97 min. Zapis' 2 maya 2010 g. // Polevye materialy dialektologicheskikh i etnolingvisticheskikh ekspeditsii ISEGI YuNTs RAN (dalee – PMDEE ISEGI YuNTs RAN). Zdes' i dalee tsitaty iz polevykh materialov privodyatsya v orfografii s peredachei ot del'nykh foneticheskikh osobennostei govora.
5. Respondent: Shkodrina Galina Dmitrievna, 1950 g.r. Interv'yuary: N.A. Vlaskina, L.N. Uspenskaya. Mesto provedeniya: pos. Novokumskii Levokumskogo raiona Stavropol'skogo kraja. Prodolzhitel'nost': 134 min. Zapis' 26 avgusta 2010 g. // Polevye materialy dialektologicheskikh i etnolingvisticheskikh ekspeditsii ISEGI YuNTs RAN (dalee – PMDEE ISEGI YuNTs RAN).
6. Respondent: Mironova Agaf'ya Vasil'evna, 1953(55) g.r. Interv'yuary: N.A. Arkhipenko, T.Yu. Vlaskina, N.A. Vlaskina, A.I. Zudin, N.S. Popova, L.N. Uspenskaya. Mesto provedeniya: pos. Novokumskii Levokumskogo raiona Stavropol'skogo kraja. Prodolzhitel'nost': 63 min. Zapis' 30 aprelya 2010 g. // PMDEE ISEGI YuNTs RAN.

7. Respondent: Belikova Irina Abramovna, 1941 g.r. Interv'yuary: N.A. Vlaskina, N.A. Arkhipenko. Mesto provedeniya: pos. Novokumskii Levokumskogo raiona Stavropol'skogo kraja. Prodolzhitel'nost': 52 min. Zapis' 4 maya 2010 g. // PMDEE ISEGI YuNTs RAN.
8. Russkie narodnye skazki kazakov-nekrasovtsev. Sobrany F.V. Tumilevichem. Rostov n/D: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. S. 236.
9. Serdyukova O.K. Ukaz. soch. S. 49.
10. Tam zhe. S. 52.
11. Tam zhe. S. 95.
12. Vlaskina T.Yu. Kazach'ya zheny: sobytiinost' i povsednevnost' v dokumentakh lichnogo proiskhozhdeniya (Pervyi Donskoi okrug, nachalo XX v.) // Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 2012 / pod red. N.L. Pushkarevoi. SPb.: Aleteiya, 2013. S. 18.
13. Tumilevich F.V. Khraniteli pesen kazakov-nekrasovtsev // Kazaki-nekrasovtsy: yazyk, istoriya, kul'tura: sbornik statei / otv. red. akad. G.G. Matishov. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2012. S. 213.
14. Respondenty: Elisyutikova Tat'yana Timofeevna, 1934 g.r., Elisyutikov Nifantii Fedorovich, 1929 g.r. Interv'yuary: T.Yu. Vlaskina, N.A. Vlaskina. Mesto provedeniya: pos. Novokumskii Levokumskogo raiona Stavropol'skogo kraja. Prodolzhitel'nost': 72 min. Zapis' 3 maya 2010 g. // PMDEE ISEGI YuNTs RAN.
15. Respondent: Pushechkin Yakov Fedot'evich, 1933 g.r. Interv'yuary: L.N. Uspenskaya, N.S. Popova. Mesto provedeniya: pos. Novokumskii Levokumskogo raiona Stavropol'skogo kraja. Prodolzhitel'nost': 401 min. Zapis': 2 maya 2010 g. // PMDEE ISEGI YuNTs RAN.
16. Ivanov-Zheludkov V. Ukaz. soch. S. 447–448.
17. Russkie narodnye skazki kazakov-nekrasovtsev ... S. 236.
18. Smirnov Ya.I. Iz poezdki po Maloi Azii. U nekrasovtsev na ostrove Mada, na Besheirskom ozere, Gamid-Abadskogo sandzhaka, Koniiskogo vilaieta // Zhivaya starina. 1896. № 1. S. 18.
19. Ivanov-Zheludkov V. Ukaz. soch. S. 447–448.
20. Smirnov Ya. Ukaz. soch. S. 18; Russkie narodnye skazki kazakov-nekrasovtsev ... S. 236.
21. Respondent: Banderovskii Nikon Iosifovich, 1940 g.r. Interv'yuer: N.A. Vlaskina. Mesto provedeniya: pos. Malosadovyi Levokumskogo raiona Stavropol'skogo kraja. Prodolzhitel'nost': 101 min. Zapis' 30 avgusta 2010 g. // PMDEE ISEGI YuNTs RAN.
22. Smirnov Ya. Ukaz. soch. S. 18.
23. Tumilevich F.V. Svadebnyi obryad u kazakov-nekrasovtsev // Kazaki-nekrasovtsy: yazyk, istoriya, kul'tura ... S. 37.
24. Tumilevich F.V. Skazki i predaniya kazakov-nekrasovtsev. Rostov n/D: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. S. 226.
25. Tumilevich F.V. Skazki kazakov-nekrasovtsev // Russkie narodnye skazki kazakov-nekrasovtsev ... S. 14.
26. Respondent: Mironova Agaf'ya Vasil'evna.
27. Abramova T. Bytovaya kul'tura kazakov-nekrasovtsev kontsa XIX – nachala XX v. (po materialam etnograficheskoi ekspeditsii Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya 1984 g.) // Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya. Vyp. 5. Rostov n/D: Knizhnoe izdatel'stvo, 1988. S. 78.
28. Tam zhe. S. 168.
29. Zudin A.I. Legendy nekrasovskikh kazakov // Kazaki-nekrasovtsy: yazyk, istoriya, kul'tura ... S. 346.
30. Respondent: Gulina Elena Kondrat'evna, 1950 g.r. Interv'yuary: T.Yu. Vlaskina, A.I. Zudin. Mesto provedeniya: pos. Novokumskii Levokumskogo raiona Stavropol'skogo kraja. Prodolzhitel'nost': 146 min. Zapis' 1 maya 2010 g. // PMDEE ISEGI YuNTs RAN.
31. Respondent: Yaluplina Mariya Epifanovna, 1934 g.r. Interv'yuary: T.Yu. Vlaskina, A.I. Zudin. Mesto provedeniya: pos. Novokumskii Levokumskogo raiona Stavropol'skogo kraja. Prodolzhitel'nost': 70 min. Zapis' 6 maya 2010 g. // PMDEE ISEGI YuNTs RAN.
32. Tam zhe.
33. Zudin A.I. Ukaz. soch. S. 345.
34. Respondent: Pushechkin Yakov Fedot'evich.
35. Tumilevich F.V. Skazki kazakov-nekrasovtsev ... S. 36.
36. Russkie narodnye skazki kazakov-nekrasovtsev ... S. 236.

37. Serdyukova O.K. Ukaz. soch. S. 267.
38. Tam zhe. S. 136.
39. Tam zhe. S. 290.
40. Tam zhe. S. 140.
41. Ivanov-Zheludkov V. Ukaz. soch. S. 447–448.
42. Smirnov Ya.I. Ukaz. soch. S. 13.
43. Tumilevich F.V. Skazki kazakov-nekrasovtsev ... S. 13–14.
44. Zhukova L.M., Bandurina S.A. Odezhda kazakov-nekrasovtsev // Donskoi narodnyi kostyum: O sozdanii stsenicheskogo kostyuma na osnove donskoi narodnoi odezhdy. Rostov n/D: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986. S. 54–63.
45. Russkie narodnye skazki kazakov-nekrasovtsev... S. 235.
46. Tumilevich F.V. Skazki i predaniya kazakov-nekrasovtsev... S. 244.
47. Lupulesku. Russkaya koloniya v Dobrudzhe // Kievskaya starina. 1889. № 1–2. S. 314–315, 332; Tumilevich F.V. Kazaki-nekrasovtsy. K istorii antifeodal'nogo dvizheniya na Donu i Kubani // Kazaki-nekrasovtsy: yazyk, istoriya, kul'tura ... S. 23–24.
48. Serdyukova O.K. Ukaz. soch. S. 91; Turetsko-russkii slovar'. 48 000 slov / pod red. E.M.-E. Mustafaeva i L.N. Starostova. M.: Russkii yazyk, 1977. 967 s.
49. Serdyukova O.K. Ukaz. soch. S. 92; Khorikov I.P., Malev M.G. Novogrechsko-russkii slovar': Okolo 67 000 slov / pod red. P. Perdikisa i T. Papadopulosa. M.: Russkii yazyk, 1980. S. 350.
50. Serdyukova O.K. Ukaz soch. S. 96; Turetsko-russkii slovar' ... S. 501.
51. Serdyukova O.K. Ukaz. soch. S. 102; Turetsko-russkii slovar' ... S. 553.
52. Serdyukova O.K. Ukaz. soch. S. 128; Turetsko-russkii slovar' ... S. 588.
53. Serdyukova O.K. Ukaz. soch. S. 279; Turetsko-russkii slovar' ... S. 796.
54. Serdyukova O.K. Ukaz. soch. S. 293; Turetsko-russkii slovar' ... S. 867.
55. Serdyukova O.K. Ukaz. soch. S. 311; Khorikov I.P., Malev M.G. Ukaz. soch. S. 761.
56. Turetsko-russkii slovar' ... S. 19; Slovar' russkikh narodnykh govorov / sost. F.P. Filin. Vyp. 6. L.: Nauka, 1970. S. 82.
57. Turetsko-russkii slovar' ... S. 345.
58. Tam zhe. S. 253.
59. Tam zhe. S. 946, 945.
60. Turetsko-russkii slovar' ... S. 598; Serdyukova O.K. Ukaz. soch. S. 139.
61. Turetsko-russkii slovar' ... S. 644; Serdyukova O.K. Ukaz. soch. s. 141.
62. Turetsko-russkii slovar' ... S. 372.
63. Tam zhe. S. 750.
64. Smirnov Ya. Ukaz. soch. S. 5.
65. Serdyukova O.K. Ukaz. soch. S. 222–223.
66. Serdyukova O.K. Ukaz. soch. S. 141.
67. Tam zhe. S. 89.
68. Ivanov-Zheludkov V. Ukaz. soch. S. 450
69. Respondent: Gulina Elena Kondrat'evna.
70. Serdyukova O.K. Ukaz. soch. S. 304.
71. Vlaskina T.Yu. Nekotorye aspekty religioznosti zhitelei kh. Donskogo, byvshego Gosudareva // Konfessional'nye faktory v istorii i kul'ture slavyanskikh narodov i ikh sosedei: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Krasnodar: KubGU, 2012. S. 203.
72. Velikaya N.N. O roli rybolovstva u grebenskikh kazakov v dorevolyutsionnyi period // Etnograficheskoe obozrenie. 2013. № 5. S. 33.

УДК 39(470.6)

Рыболовецкая тема в традиционном наследии казаков-некрасовцев

Нина Алексеевна Власкина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
E-mail: nvlaskina@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются устные и письменные этнографические и этнолингвистические материалы XIX–XXI вв. по традиционной культуре казаков-некрасовцев. Дается характеристика разделов традиции, сложившихся или трансформировавшихся под влиянием промысловой специализации.

Последовательно рассматриваются три тематических блока: организация повседневной и обрядовой жизни некрасовских казаков, содержание и формы трансляции фольклорных текстов, а также трансформация элементов традиции, обусловленные особенностями рыболовецкой практики.

Ключевые слова: казаки-некрасовцы; рыболовный промысел; традиционная культура; фольклор; этнокультурные контакты.